

СОБРАНИЕ КУЛЬТОВОЙ МИСТИКИ

СЕРГЕЙ ДУБЯНСКИЙ

ГОСПОЖА КЛИО

ЗАХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ

Сергей Дубянский

Госпожа Клио. Заходящее солнце

«Издательские решения»

Дубянский С.

Госпожа Клио. Заходящее солнце / С. Дубянский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850818-9

В отличие от первого опыта, Женя неверно истолковал подсказки Клио, и роман о средневековье не получился. Раздосадованная Клио бросает утратившего доверие подопечного, но Женя — человек упрямый и находит собственный путь в прошлое; только оказывается не в эпохе крестовых походов, а у древних инков, причем не в роли наблюдателя, собирающего материал для книги, а Найплама — жреца темного бога Ланзона...

ISBN 978-5-44-850818-9

© Дубянский С.
© Издательские решения

Госпожа Клио Заходящее солнце

Сергей Дубянский

Дизайнер обложки Игорь Владимирович Петропавловский

© Сергей Дубянский, 2017

© Игорь Владимирович Петропавловский, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-0818-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Очередной раскат грома получился настолько мощным, что казалось, стекла выгнулись и непременно лопнут, не выдержав ударной волны (это было совершенно жуткое состояние, когда дом из средства защиты превращается в потенциальный материал для могильного кургана). В следующее мгновение голубая вспышка, словно божья десница, от которой не спасает, ни панцирь асфальта, ни маскировочная сеть парковых массивов, врезалась в землю.

Женя подошел к окну, чтоб увидеть, куда именно пришелся удар, но разглядел лишь пустой двор, притихшие деревья и стайку жмущихся друг к другу беззащитных автомобилей – как в фильме ужасов, особенно, если учесть, что часы показывали три часа дня, а над миром уже повисли настоящие сумерки.

Гром еще раз встряхнул пространство, и тут же молния нанесла новый разящий выпад. Женя не мог оторваться от пугающей, но завораживающей картины. Его память подсознательно пыталась сохранить каждый нюанс происходящего, зная, что когда-нибудь эти ощущения непременно проявятся в романе. Вот, например, Жак де Моле мог бы видеть подобное знамение, в ту ночь, когда Филипп Красивый отдавал приказ об аресте членов ордена тамплиеров. Но этот роман уже не только написан – он даже был отправлен в «Век истории», и скоро оттуда должен прийти ответ. *... Впрочем, какие тут варианты? — подумал Женя, – роман классный, не зря ж я перешерстил столько литературы! Теперь я знаю, и подлинные имена тамплиеров, и какова их роль в крестовых походах, и как они копили богатства, на которые, в конце концов, позарился сам король Франции... Да я все про них знаю!.. Даже гораздо больше, чем в прошлый раз знал про египтян!..*

Роман действительно получился, только, вот, старинная книга, подаренная Настей, никак не желала находить свое место в повествовании, поэтому пришлось втиснуть ее туда насильственным путем, поместив в сюжет не обнаруженный историками «Тайный устав ордена».

... Но имеет же автор право на художественный вымысел?.. Все! Хватит об этом!.. – Женя зажмурился и мотнул головой, пытаясь отключиться от уже законченной работы, – интересно, какой заказ последует дальше? Вокруг еще столько замечательных тем, а я, дурак, полжизни просидел, занимаясь всякими идиотскими компьютерными программами...

Мысли отвлеклись от представления, разыгрываемого за окном природой – оно уже не являлось преддверием апокалипсиса, требующего жадного и неусыпного внимания. Наверное, память сумела вычленить самое важное, спрятав его в потайном уголке, и повторы лишь загромождали восприятие, а потому отторгались. Задернув шторы, Женя включил свет. В комнате сразу стало уютно и даже показалось, что гроза отодвинулась куда-то за город. Прошелся из угла в угол, но не найдя достойного занятия, уставился в черный экран монитора.

Собственный компьютер, приобретенный сразу после возвращения из Москвы, решил все проблемы оформления и распечатки текстов, поэтому из фирмы он уволился без сожа-

ления. Техники у него теперь хватало, а интерес к примитивным мужчинам, вкальвающим ради зарплаты, и глупым женщинам, озабоченным никчемными покупками и приготовлением пищи, пропал уже давно. Подобной ерунде допустимо посвящать лишь краткие мгновения отдыха – как, например, сейчас.

Неожиданно обретенное счастливое состояние самодостаточности, видимо, чувствовал не только сам Женя, но и его немногочисленные приятели, которые за последние полгода исчезли как-то незаметно, сами собой. Осталась одна Татьяна со своим не частым телефонным общением. Теперь оно казалось Жене идеалом человеческих отношений – вроде, есть женщина (как некий запасной аэродром), а, с другой стороны, можно месяцами не вспоминать о ней, и при этом она не обидится, не станет высказывать никаких претензий.

...Как все-таки гармонично можно обустроить жизнь, если найти смысл, ради которого ее не жалко потратить!.. – Женя вышел на кухню. Нельзя сказать, чтоб он проголодался, но еда – это самое простое, чем можно занять время, когда других занятий нет.

Четко следуя рекламе, настоятельно рекомендующей не есть всухомятку, он достал пакетик лапши и включил чайник. Жаль, что он не умеет готовить по-настоящему – этим можно было б убить гораздо больше времени, но чего не дано, того не дано. Или просто мать в свое время не научила его, считая кулинарию не мужским делом, но кто ж мог знать, что он не женится, как все, а свяжет жизнь со странной рыжей девицей, которая, то возникает ниоткуда, то исчезает в никуда.

...Кстати, давненько она не появлялась, — вспомнил Женя, — собственно, ни разу, пока я писал новую вещь... А зачем, если и так все получается? Она, конечно, здорово помогла мне на первых порах, а теперь-то я и сам все могу... Довольный сделанными выводами, Женя вернулся в комнату и, наверное, в сотый раз подошел к шкафу, где среди библиотеки, оставшейся от родителей, красовались и два его творения. Первое – примитивное, как детский конструктор; и второе – в глянцевой обложке с полуобнаженной египетской царицей, воздевшей руки к двоившейся в небе луне. ...А ведь скоро выйдем и третья!.. – Женя довольно потер руки, – на обложке, наверное, будут рыцари в белых плащах с красными крестами. Хотя, это избито – небось нарисуют еще что-нибудь... да какая разница?.. А за «тамплиеров» причитается гонорар, который будет очень кстати, а то давненько я не пополнял свою «копилку»...

«Копилкой» он называл коробку, стоявшую в шкафу на самой верхней полке. По возвращении из Москвы, он сложил туда все, полученные за книгу деньги, и с тех пор в нужный момент только приподнимал крышку и вытаскивал очередную купюру. Сколько их там оставалось, он не знал, да и не хотел знать. Что в этом толку? Тратить меньше он не станет, пополнить запасы все равно неоткуда, так что получится одна нервотрепка, мешающая творческому процессу. Вслепую, правда, он иногда оценивал толщину оставшейся пачки и чувствовал, что та изрядно уменьшилась, но тамплиеры-то уже «прибыли» в издательство, а, значит, можно ни о чём не волноваться.

Звонок в дверь отвлек его от приятных размышлений, как это здорово, если любимое занятие еще приносит и деньги. Кому он мог понадобиться, Женя не представлял, но в его состоянии заслуженного безделья, любые гости были кстати. Уверенно распахнув дверь, он увидел Татьяну – живую, а не как обычно, возникавшую усталым голосом в телефонной трубке.

– Привет. Еще не забыл, как я выгляжу?

– Почти, – Женя улыбнулся. Ее появление было гораздо более приятным вариантом, нежели тупые мужские разговоры о футболе и чужих бабах, – проходи.

– Ты видел, что на улице делается? А я ж, как всегда, без зонта. Ну, думаю, надо искать убежище, пока не началось. Отпускные ездила получать, а то в пятницу денег не хватило. Прикинь, главный бухгалтер, а себе не оставила... – говорила она быстро, то ли боясь, что ее приход как-то неправильно истолкуют, то ли с радостью перейдя с профессионального языка на общечеловеческий.

Женя ожидал совсем другого, ведь разговор о погоде и работе ненамного лучше футбола и баб. ...*Ну, что ей стоит сказать, например, что соскучилась?.. С другой стороны, она всегда была такой... нет – пока работала простым бухгалтером, она была другой, иначе б я и знакомиться с ней не стал, а, как обычно, отладил программу и ушел... А теперь – главный!.. Бугор на ровном месте...* Мимолетное воспоминание о начале их отношений не вызвало прежней радости. ...*Впрочем, на безрыбье сойдет – все лучше, чем одному...*

– Ты, значит, в отпуске? – Женя закрыл за гостьей дверь.

– С сегодняшнего дня. Знаешь, утром до десяти валялась в постели, аж самой непривычно! Каждую минуту думаю – чего я лежу? Давно ж на работу пора!..

– У тебя крыша когда-нибудь съедет, – беззлобно заметил Женя, – чай?.. Кофе?.. Есть водка.

– Водку я не пью, ты ж знаешь. Кофе, наверное, – они прошли в кухню, где на столе осталась нераспечатанная лапша, – а я, вот, обедать собирался.

– Круто, – Таня брезгливо отодвинула пакетик, – может, тебе приготовить что-нибудь?.. Хотя я ж забыла – ты питаешься исключительно концентратами... Женился б ты, что ли?.. Жена б тебе борщи варила.

– Зачем?

– Что, зачем? Жениться или борщи?

– И то, и другое, – честно признался Женя.

– Ну да, – Таня вздохнула, – творческим натурам семейная жизнь противопоказана. Ну, рассказывай, какие новости. Книжки новые написал? – она уютно устроилась в уголке.

– А ты предыдущие-то прочла? – Женя отвернулся, заваривая кофе.

– Некогда. Но!.. – Таня подняла палец, – торжественно клянусь – за отпуск прочту! Мне, правда, интересно, что ты мог придумать – я ж все-таки тебя знаю... или не знаю?..

– Почему придумать? – поставив чашки и взяв сигарету, Женя уселся напротив, – а ты не допускаешь, что я пишу правду?

– Это я где-то слышала, – Таня сделала маленький глоток, – каждый человек способен написать одну замечательную книгу – книгу о своей жизни.

– Я не о себе пишу! – Женя подумал, что вряд ли сможет объяснить способ, при помощи которого окунулся в древнеегипетскую действительность. Он и сам не понимал этого, а где уж понять бухгалтеру?.. Про тамплиеров объяснение выглядело гораздо доступнее, – я ж пишу про другое время, – он проводил взглядом струйку дыма, потянувшуюся к открытой форточке, – изучаю кучу исторического материала...

– Тогда это уже неправда, – засмеялась Таня, – ведь твой источник информации кто-то тоже написал, перед тем прочитав у кого-то более раннего – так, по чуть-чуть, и происходит фальсификация истории. Ты говорил, что писал про древних египтян, а что ты можешь знать про них – вот, лично ты?

– Все, – Женя все-таки решил попытаться объяснить необъяснимое, – знаешь, один мужик создал, типа, машину времени. Это правда. Он летал во времена Тутанхамона и все видел своими глазами, а я использовал его дневники. То есть это, можно сказать, первоисточники.

– Жень, – Танина голова скептически склонилась на бок, – вот, как раз у тебя крыша поехала однозначно, и первый симптом – то, что ты начинаешь жить в собственных фантазиях.

– В это трудно поверить... – глядя в Танины глаза, Женя понял, что они никогда не убедят друг друга, – ладно, проехали, – он протянул руку и осторожно погладил Танины пальцы, – я ж не лезу в то, как ты сводишь балансы. Просто почитай, если хочешь, а потом скажешь, понравилось или нет.

В это время по подоконнику ударили первые крупные капли. Через минуту их стук слился в монотонный гул, и на его фоне даже раскат грома показался не таким звучным.

– Почитаю, – Таня боязливо оглянулась на окно. Путь к отступлению был отрезан. Хотела она того или нет, общение требовалось продолжать, и желательно при этом не поругаться с хозяином до окончания ливня.

Женя тоже почувствовал свою временную власть. Стиснув Танину руку, он потянул девушку к себе, и та послушно подошла, обернутая в кокон приятных незнакомых запахов.

– Ну ее, эту работу – и твою, и мою... да? – прошептала она.

Женя кивнул, прижимаясь щекой к тонкой шуршащей материи, под которой четко прощупывалась резинка трусиков, и в данный момент осознание оказалось самым главным из всех пяти чувств; к тому же дождь нерушимой стеной отгородил их, двоих, от остального мира – как выдуманного, так и реального.

– Пойдем на диван, – предложил Женя.

Таня молча обхватила его голову и уткнулась лицом в волосы. Женя чувствовал нежные, почти воздушные прикосновения губ; руки его поползли вниз, разглаживая платье, пока наконец не добрались до границы, отделявшей ткань от горячего, чуть влажного тела. Задержавшись на секунду, они медленно двинулись обратно, забираясь, как казалось Жене, под мертвую змеиную кожу – туда, где находится нечто нежное и трепетное, еще не успевшее огрубеть в борьбе с налоговыми инспекторами. И это нечто уже покрылось мурашками, предвещающими удовольствие... но тут задребезжал телефон.

– Блин!.. – Женина рука упала, безжизненно повиснув у самого пола.

– Пойди, послушай.

Женя подумал, что так она командует у себя в бухгалтерии, но он-то не ее подчиненный!

– Я никого не жду, – он прикрыл глаза, пытаясь вернуть прежнее состояние.

– Вдруг что-то важное, – Таня отстранилась, обдернула платье, и Жене ничего не оставалось, как подняться, разрушая зарождающуюся идиллию. Трубка валялась в комнате, поэтому он поплелся туда, демонстративно шаркая тапками.

– Слушаю!

Тане показалось, что он добавит «...пошли вы все!..» Но в комнате было тихо, и только шум дождя, обволакивал сознание своей монотонностью.

– Но подождите, Настя, – наконец произнес Женя, то ли жалобно, то ли растерянно, – забыл я про этот 1610 год. Разве оно так уж важно?.. Я ж все-таки вставил туда книгу!.. Почему неправда?.. Я понял – Муза Алексеевна недовольна... Да... да... Не будете ничего заказывать? Так же нельзя!.. Да, до свидания...

– Что-то случилось? – Таня вошла в комнату.

– Бред какой-то... – Женя пристально смотрел в пол, и чувствовал, будто ему перерезали самую важную артерию, и теперь жизнь резкими толчками уходит из него – скоро, наверное, останется одна пустая, никому не нужная оболочка...

Мимо Тани он прошел в кухню и остановился у окна.

– Жень, что случилось?

Он перевел взгляд на девушку и вдруг понял, что больше поговорить ему не с кем; что она осталась последним мостком, соединяющим два мира – мир, построенный для него «рыжей», и мир обычных людей, который существует совершенно отдельно.

Сначала он изгнал из своего мира Вовку Царева, превратив в персонаж, а, в конце концов, и вовсе выкинул его из романа (то есть из той жизни, которой жил в последнее время); потом разругался со Славкой, хотя именно той рыбалке обязан знакомству с «рыжей»; потом сами собой растворились в небытии коллеги по бывшей работе. Его мир населяли порождения «рыжей», но, судя по Насте и Кристине, они все-таки вернулись в мир людей, а он остался. В какой-то миг Жене стало страшно, что Таня, вдоволь насытившись его молчанием, тоже уйдет – тогда останется только бежать в магазин за водкой, и сегодня, и завтра... короче, пока пальцы не нащупают дно коробки, стоящей на верхней полке шкафа...

– Жень, что случилось? – повторила Таня.

– Понимаешь... – Женя присел на подоконник, – только, пожалуйста, не встречай со своими комментариями! То, что я говорил про машину времени – правда. Сам я никогда не видел этой штуковины и даже не представляю, как она выглядит, но знаю людей, которые ею пользовались. Из того, что они видели в Египте, фактически и получился роман. В издательстве его приняли «на ура» и заказали новый; выдали тему... но я не могу управлять этим чертовым путешественником во времени, да и связь с ним уже потеряна. Тогда я начал копаться в книгах; нашел кучу интересного, но, оказывается, написал, не так и не о том...

– Спросить можно? – Таня, как школьница, подняла руку.

– Можно, – собственно, Женя не знал, что еще рассказывать.

– Почему «не так и не о том», если это не научный трактат, а художественное произведение, и оно хорошо написано...

– Ты не понимаешь!.. – выпалил Женя, но тут же осекся, – хотя я и сам не понимаю, почему так... В издательстве мне дали одну вещь. Я сейчас покажу, – он быстро ушел в комнату и вернулся с книгой, – вот. Сказали, что она очень древняя и связана с будущим романом. Я решил, что речь идет об ордене тамплиеров, но не учел, что их казнили за триста лет до появления этой книги... Ну, забыл я о годе, понимаешь?.. Потому, наверное, она никак и не укладывалась в сюжет... но дело не только в этом – я честно проштудировал литературу, а Настя – зам. редактора которая, она говорит, что и с тамплиерами все происходило не так. Что они никакие не герои крестовых походов, а продались мусульманам и отреклись от Христа; что все они были гомосексуалистами, и это являлось обязательным условием членства в ордене; что богатства их, скорее, вымышленные, чем реальные, и существовали ордена покруче... короче, все наоборот. Но в тех трудах, которые я изучал, об этом ничего не сказано! А писали их, между прочим, и наши доктора наук, и всякие западные исследователи!..

– А откуда тогда твои издатели берут информацию?

– Не знаю! – Женя с силой вдавил «бычок» в пепельницу и достал новую сигарету, – главное, я не знаю, что мне теперь делать. Печатать роман они не будут; новый Муза Алексеевна – это главный редактор, заказывать не хочет... но если научные книги врут, то какую правду они с меня требуют?..

– А если все-таки связаться с людьми, которые отдали тебе египетские дневники?

– Это ты сейчас сказала? – Женя удивленно вскинул брови, – ты ж пять минут назад считала, что машина времени – лишь мои фантазии, что у меня поехала крыша... или с сумасшедшими лучше соглашаться, от греха подальше?

– В принципе, ученые не отрицают создание машины времени; правда, в далеком будущем, но я даже не об этом, – в отличие от Жени, Танин голос остался абсолютно спокойным, – я рассуждаю примитивно, как бухгалтер – если версии, предложенные теми людьми, устраивают издателей, то мне кажется, этим надо тупо пользоваться. Возможно, у них фантазия богаче твоей, только по каким-то причинам книжки они писать не хотят. Разве я не права?

Женя даже открыл рот от столь прагматичного подхода. ...*Конечно! Какая разница, как господин Виталий добывал материал – катаясь в машине времени или валяясь с Кристиной в постели?.. Главное, это вылилось в роман, который всех устроил!.. Пусть он и дальше рассказывает свои байки, а уж я литературно обработаю их!..* Все мгновенно встало на свои места – жаль было только полгода, потраченные впустую; жаль денег, которые он не получит; жаль, что место, определенное под третью книгу, будет занято очень скоро...

– Ты – гений!..

Таня довольно рассмеялась. Ей нравилось, когда ее ценили, но гением еще не называл никто – «классным бухгалтером», да; «королевой дебита и кредита», да. Но гением!.. А, собственно, что она сказала? Это ж элементарно – пользоваться тем, что дано.

– Танька, я тебя люблю! – Женя раскрыл объятия, и хотя Таня прекрасно понимала, что эта фраза ничего не значит, и смысл в нее вкладывается совсем не тот, на который надеется любая женщина, слышать ее было чертовски приятно.

Она сделала шаг, уткнулась Жене в грудь, и он, прижав ее голову, замер не пытаясь активизировать своих действий. Он задумчиво смотрел в полумрак коридора, мысленно возвращаясь к господину Виталию и Даше – может, хоть они, в отличие от остальных, остались частью мира, созданного «рыжей»?..

Тане надоело стоять, ничего не видя, вдыхать запах пота и тупо слушать шум дождя, изредка нарушаемый далекими и уже нестрашными отголосками уходящей грозы.

– Я хочу есть, – объявила она.

– А?.. – Женя очнулся, – есть?.. Сейчас сообразим...

Его настроение, хоть и было далеко от утреннего, но ощущение полного краха ушло – просто он стоял перед еще одной трудной, но разрешимой задачей. Как к ней подступиться, он решит потом, а сейчас можно обо всем забыть, оставив в подсознании крохотный маячок – выход есть, и ничего ужасного не произошло. *...Хорошо бы сейчас выпить! Жаль, Танька не пьет водку. Если б не дождь, сгонял бы ей за вином!.. Хотя все равно в магазин идти, потому как и жрать-то особо нечего. Зато у меня есть огромный новый зонт...*

– Я слетаю, куплю чего-нибудь, – предложил Женя, – а ты приготовишь, давай?

– И охота тебе? Давай уж лапши твоей поедим – с одного раза, думаю, не умру.

– Тут идти-то!.. – в Жене проснулся азарт – вроде, он уже приступил к созданию нового романа, и теперь каждое слово, каждый поступок являются его неотъемлемой частью.

– Как хочешь, но я б не пошла, – открыв холодильник, Таня взглянула на пустые полки, – ладно, дай бумажку – напишу, чего купить. Сделаем интересный салатик – очень быстрый и вкусный.

Таня слышала, как хлопнула входная дверь и подойдя к окну, отдернула штору. Светлее в комнате стало ненамного, зато она увидела, что дождь почти перестал, но металлический подоконник продолжал создавать шумовые эффекты, отражая последние запоздалые капли. Правда, и того, что уже вылилось с неба, вполне хватило, чтоб превратить двор в зыбкое болото, спрятанное под слоем сбитых потоками воды веток и листьев. Появившись из подъезда, Женя осторожно ступал по бордюру, прижимаясь к мокрым кустам. Один раз он оступился, и вода скрыла его ногу по самую щиколотку; смешно отряхнувшись, он пошел дальше, раскинув руки и балансируя зонтиком.

Таня задумчиво смотрела ему вслед. *...Интересно, дождь – это причина того, что я здесь, или только повод?..* Вздохнула и отойдя от окна, опустилась на краешек дивана. Она не могла точно припомнить, сколько недель они не виделись, но все это время она не чувствовала себя в чём-то обделённой. *...Наверное, это потому, что нам друг от друга ничего не надо... а зачем тогда все это?.. Муж, похожий на большого ребенка, у меня уже был. Только тот собирал картины, наивно полагая, что разбирается в живописи... зато он умел счастливо обитать в своей скорлупе, будто не подозревая о существовании другого, бурно развивающегося мира... А этот пишет романы и, похоже, тоже не видит вокруг ничего реального. Глупо дважды наступать на одни и те же грабли. Да и не собирается он жениться, судя по всему. Любовник?.. Что за любовник, который не дарит подарков, не водит по кабакам и, к тому же, мы встречаемся раз в полгода. Значит, все-таки дождь – это причина... А если так, то он закончился, то есть надо делать салат, раз уж обещала, и тихонько сваливать...*

Решив ускорить процесс, Таня открыла несколько кухонных шкафчиков, но без хозяина не нашла, ни большого ножа, ни подходящей миски, поэтому, чтоб скоротать время, взяла со стола древнюю книгу. Понять текст было невозможно, но, скорее всего, книга являлась подлинной – от нее, будто веяло прошлым, и рисовались мрачные монастырские своды, вымощенный булыжником двор с безмолвными тенями в черных одеждах, незаметно исчезавшими

в тесных кельях. Она никогда не видела ничего подобного воочию, но картинка получалась живой и очень походила на сцену из исторического фильма. Для полноты ощущений Таня даже понюхала книгу, но почувствовала только запах пыли.

...А ведь так можно и представить, что я была там. Может, и с Женькой происходит то же самое? «Машина времени» – это наше сознание, бессистемно напичканное самой разной, порой неизвестно откуда взявшейся, информацией. Потом она концентрируется на чём-то – вот и путешествие в другие века!.. Но если б все-таки такая машина существовала, куда б я хотела перенестись?.. – найти ответ Таня не успела, потому что в коридоре послышались шаги и шуршание пакета.

– Ты плавать умеешь? – весело крикнул Женя, – там воды, по колено! Представляю, что на улицах делается с нашей дерьмовой ливневкой! Не знаю, как ты будешь добираться.

– А мне уже пора?

– Почему пора?.. – Женя остановился, удивленно хлопая глазами, – это я так...

– А в чём тогда проблема? Может, я у тебя останусь. Я ж отпускница, спешить мне некуда... или я буду мешать творческому процессу?

– Да нет, не будешь... – Женя выглядел таким растерянным, что Таня рассмеялась.

– Ладно, я пошутила. Не пугайся – сейчас поедем, и я уйду.

Однако к концу ужина, Танина «шутка» обрела реальное воплощение, потому что снова пошел дождь, и проблема отсутствия зонта вновь стала неразрешимой.

*

За ночь тот, кто в божественной канцелярии курирует погоду, потрудился на славу, разогнав тучи, отстирав небесные полотнища до прозрачной голубизны и выкатив с одного ему известного склада, сверкающий оранжевый шар; еще он успел вернуть жару, которая быстро высушила деревья, скамейки, автомобили, мусорные баки, песок на детской площадке, и принялась за лужи, еще оставшиеся на асфальте.

– Знаешь, – Таня, из-за задернутых штор не видевшая произошедших перемен, потянулась и сладко зевнула. Простыня при этом сползла, обнажив маленькую аккуратную грудь, – я уже отвыкла просыпаться и видеть рядом мужчину.

– Я тоже... – Женя подумал, что его последней женщиной была Даша, и это воспоминание вернуло к задаче, которую вчера он оставил «на потом». «Потом», похоже, наступило – правда, для него, но не для Тани, жившей еще ночными мыслями.

– Знаешь, когда я была замужем, – задумчиво продолжала она, играя Жениными волосами, – недолго, но была же... так вот, мы все равно не спали вместе...

– Почему?

– А негде было. У нас стоял жуткий узкий диван и раскладушка. На них можно было заниматься сексом, но не спать... а, знаешь, почему мы расстались?..

Женя хотел спросить, зачем ему это знать, но решил, что тихий монотонный голос можно воспринимать как фон – сродни шуму дождя или плеску волн, поэтому промолчал. ...Интересно, отказался господин Виталий от магической практики или это был минутный порыв, вызванный, то ли происшествием с Кристиной, то ли убийством хеттского принца, или еще чем-нибудь?.. Надо бы выяснить... Допустим, у меня есть его адрес, но захочет ли он разговаривать на эту тему, или как тогда, в салоне, пошлет подальше?.. Нет, с ним надо общаться только через Дашку, но и она шарахается от меня... А если ее припугнуть? Мол, сдам мужу, как мы трахались, если не станешь мне помогать!.. Правда, давно это было, но измена-то, есть измена... Гаденький, конечно, вариант, а что делать – как говорится, искусство требует жертв. С другой стороны, может, все у них давно устаканилось, и она сама будет не против, возобновить отношения... – Женя рассеянно наблюдал, как шевелятся Танины губы, –

надо б поймать ее одну и попытаться поговорить. Телефоны у меня остались – даже если она сменила мобильник, квартиру-то они вряд ли станут менять – буду звонить, пока она сама не снимет трубку...

– Ну, что ты такой кислый? Я его развлекаю, как могу – душу тут изливаю!.. – Таня, смеясь, дернула Женю за нос и ловко повернувшись, впиалась в его губы, раздвигая их языком.

Женя попытался расслабиться, отдаваясь неожиданной ласке, но сознание не отозвалось на невнятный призыв. ...*А зачем звонить?* – неожиданно вспомнил он, – *есть же свечи, которые дала Настя – прошлый раз они сработали безотказно. Куда ж я их положил?.. Кажется, в шкафчике на кухне...*

– Все понятно, – Таня сползла на край дивана и вздохнув, спустила на пол босые ноги, – утро – не ночь... что, роман интереснее, чем я?

– Зачем ты так? – на мгновение Жене стало стыдно. Он нежно провел рукой по спине девушки, прощупывая каждый позвонок. Если быть честным, то роман, конечно, был интереснее, но не мог же он сказать об этом вслух?

Таня встала, не дождавшись, пока пальцы доберутся до копчика и подхватив одежду, молча выскользнула на кухню. Через минуту оттуда донесся ее бодрый голос:

– А погодка-то какая!.. Я кофе поставлю!

...*Точно – свечи в шкафчике. Скорей бы она смоталась!..*

Когда Женя вылез из постели, Таня уже сидела у стола, сосредоточенно подкрашивая ресницы. Женя молча прошел в ванную и взглянув на свое отражение, обнаружил, что в глазах появился азартный блеск, которого не было все полгода, пока он упрямо, но ужасно скучно трудился над «тамплиерами». Не мог этот блеск возникнуть сам собой! ...*Может, «рыжая» вспомнила обо мне? Она же всегда чувствовала, когда нужна помощь!..* Женя радостно плеснул в лицо холодной водой. ...*Если она вернется, все начнет двигаться в правильном направлении, а мне останется только работать и работать; остается ждать развития событий, а чтоб убить время, есть Танька...*

Довольный логикой рассуждений, Женя вышел на кухню и тут же попытался исправить ситуацию. Усевшись за стол, он нагло сдвинул косметичку на край и многозначительно сжав Танину руку, уставился ей в глаза; потом улыбнулся.

– Ну, такая я, скотина. А ты – чудо, и в постели, и вообще...

Неизвестно, поверила Таня в эту неуклюжую сентенцию или просто решила подыграть, но тоже улыбнулась, ответив на пожатие, и даже послала воздушный поцелуй. Правда, снова раздеваться и залезать в постель, желания у нее не возникло, поэтому свободной рукой она вернула косметичку на место.

Расстались они на пороге, договорившись созвониться, и едва закрылась дверь, Женя вернулся на кухню. Свечи нашлись в углу шкафчика, прижатые к стенке треснувшей чашкой, по странной случайности, еще не отправившейся на помойку. Женя воткнул их в баночку из-под соуса, чиркнул зажигалкой – свечи вспыхнули, и красноватое пламя с радостным потрескиванием принялось за единственно известную ему работу.

Где-то Женя читал, что созерцание огня очищает ауру. Насчет ауры, он не мог сказать ничего конкретного, потому что не ощущал ее наличия, но голова, и правда, светлела, словно весь суетной мир неумолимо таял в жадно дрожащих язычках. Постепенно цвет пламени становился более насыщенным, а по стенкам потекли капельки воска, но прежнего магического эффекта, когда три язычка сливались воедино, не возникало.

Женя честно прождал минут пятнадцать, наблюдая, как свечи заметно уменьшаются в размерах, а когда одна из них стала плавно сгибаться за край банки, отдаляясь от остальных, он решил, что Настины наговоры потеряли силу; дунул и над почерневшими, скрюченными фитильками поднялся легкий дымок – колдовство не состоялось.

...Странно... – Женя вытряхнул бесполезные огарки в помойное ведро, – *ведь прошлый раз все так классно получилось. Неужто у магических вещей тоже есть срок годности? Я думал, они вечны... и что теперь?..* – он закурил, – *значит, придется звонить, как все обычные люди...*

Мобильник был недоступен, а к домашнему после четырех гудков подошел Виталий и пришлось поспешно положить трубку. ...*Попробую днем, а потом вечером, а, если надо, завтра утром, но я ее достану... а сейчас что?..* Подошел к столу, на котором рядом с компьютером, как всегда, лежала пачка бумаги, и понял, что ничего не сможет написать – даже заглавие. ...*Если сидеть дома, всякие дурацкие мысли изнасилуют сознание еще до того, как я найду Дашу...* Он выглянул в окно, чтоб решить брать ли с собой зонтик, и увидел ослепительное солнце, игравшее бликами на отходившей после ураганной ночи, земле. Картина рождала ощущение такой свежести и новизны, что Женя распахнул окно; его организм сразу наполнился... нет, не кислородом, а радостью – удивительной радостью, поглощающей заботы и проблемы.

...*Надо сохранить в памяти это замечательное состояние единства с окружающим миром – оно мне пригодится!.. Надо пользоваться тем, что есть!.. Как точно Танька вчера сказала!..* – Женя вспомнил о ней с теплотой неблагодарного сына, который, повзрослев, вдруг осознал правильность родительских наставлений. Поддаваясь настроению, он взял телефон.

– О, блин! – удивился голос в трубке, – я что-то забыла?

– Да, – продолжение фразы возникло само собой, в качестве шутки, но в каждой шутке ведь присутствует только доля шутки, – ты забыла поцеловать меня перед уходом.

– Жень, ты, ей-богу, странный!.. Все утро ходил, как сыч...

– Тань, хватит тебе, – он попытался подвести черту под их утренним «темным» прошлым, – у тебя какие планы?

– Вообще-то, мы с подружкой договорились сегодня купить ей компьютер – она наконец догнала, как скучно без него жить. А ты разве не собираешься писать новый роман?

– Не собираюсь! – отрезал Женя, решив, что добавлять слово «пока», не стоит, – считай, я тоже взял отпуск. А насчет компьютеров – может, я б вам помог?.. Или ты хочешь сказать, что разбираешься в них лучше меня?

– Куда нам, «пользователям», до профессионалов... – Таня засмеялась, – хочешь, подьезжай через час к старому ЦУМу.

– Без проблем. Уже еду, – Женя сунул трубку в карман, – *и что это?.. Пока неосмысленный фрагмент нового романа или позорное бегство от него?.. Впрочем, какая разница? Это жизнь – ведь я должен жить, хотя б для того, чтоб писать!.. Другие, вон, в десять лет по роману выдают, и ничего – классики...*

Спустившись во двор, он постоял несколько минут, шурясь от солнца. ...*Нет, конечно, это не роман. Вот, появится Дашка с сюжетом, тогда... тогда я сделаю такую вещь, что этот «Век истории» перевернется в «Тысячелетие»!..*

Он уселся в маршrutку, с удовольствием разглядывая сидевших напротив девчонок в коротких юбках. Их загорелые ноги выглядели так интригующе, что невольно фантазия двинулась в сугубо мужском направлении.

...*Жаль, что они не будут читать мои книги, – Женя вздохнул, не имея возможности заползти взглядом выше, чем позволяла плотная ткань, – дуры, потому и не будут!.. С ними, небось, и поговорить не о чем, – он скользнул глазами по наивно восторженным личикам, – совсем дети!.. А я, старый козел!..*

Девочки вышли, и Женя отвернулся к окну. Знакомые улицы жившие привычной утренней жизнью, проплывали безликим фоном. Правда, периодически среди прохожих, словно возникали тени, карикатурно напомиавшие тамплиеров, но они также незаметно исчезали в дверях магазинов и офисов. Как же не повезло бедным рыцарям – после короля Франции, безжалостная Настина рецензия уничтожило их повторно! Несмотря на досаду, Женя знал,

что уже ничем не сможет им помочь – «рыцарский» этап закончен, и его ждет следующий, время которого пока не пришло. ... *У меня отпуск*, – напомнил он себе, – *мое сознание тоже должно отдохнуть...*

Маршрутка остановилась рядом с массивным серым зданием, сохранившим на фасаде буквы «ЦУМ. 1953 год». Женя еще помнил, как сюда люди съезжались со всего города, чтоб отстояв длиннющие очереди, обзавестись импортными сапогами, синими штанами, которые назывались «техасы», кроссовками, сменившими китайские кеды, и вообще всем – потому что для других магазинов товаров тогда элементарно не хватало. ... *Кажется, все было вчера*, – Женя усмехнулся, – *а сменилась целая эпоха. Как быстро, оказывается, можно перекочевать из одного времени в другое – почти как в моем романе...*

Теперь над витринами второго этажа красовался броский транспарант «Торговый Центр», но на лицах посетителей, входивших в двери, не было, ни азарта, ни радости предстоящих покупок. ... *Все стало обыденным в этой новой эпохе...* – подумал Женя, – *и что за хрень лезет в голову?.. Так, позвоню еще разок, пока Таньки нет... Где, вот, ее носит – дома надо сидеть и первой бежать к телефону, а не мужа гонять...*

Он достал телефон, поднял глаза, вспоминая Дашин номер, и вдруг, среди людей, двигавшихся от остановки, увидел... саму Дашу. Женя даже протер глаза, убеждаясь, что это галлюцинация, но девушка продолжала идти прямо на него, нервно поглядывая на часы. На ней была совсем не вязавшаяся с прошлым образом, строгая белая блузка, юбка до колен, а стрижка и неброский макияж изменили лицо, но ошибиться Женя не мог – если, конечно, это не ее сестра-близнец.

– Даш! – он поднял руку, привлекая внимание.

Взгляд девушки, метнувшись по сторонам, остановился на Жене, хотя ноги продолжали уверенно нести ее к дверям. И тут она улыбнулась!

– Привет, – чуть замедлила шаг, – извини, спешу – на работу опаздываю.

– Ты здесь работаешь?..

Ответа не последовало – Даша исчезла, заслоненная широкой мужской спиной, и Женя не успел даже узнать, как ее найти среди десятков магазинчиков и офисов. Он продолжал обалдело смотреть ей вслед, и в сознании рушилась самая красивая в его жизни сказка. ... *Похоже, господин Виталий все-таки бросил магию, иначе с какого перепуга ей идти работать? В университете много не зарабатываешь, если только взятки не брать... или он бросил Дашку?.. Впрочем, какая разница – главное, они, похоже, теперь живут самой обычной жизнью. А что делать мне?..*

Женя вспомнил, как начал сочинять предыдущий роман – именно, сочинять, боязливо погружаясь в историю, родившуюся в его собственной голове. Потом появилась «рыжая», и история превратилась в жизнь, именовавшуюся теперь – сюжет. Иногда даже становилось страшно не выбраться оттуда, ведь он до сих пор толком так и не понял, чем закончилась «египетская эпопея» и кто принимал в ней участие!.. Но отказаться от роли Творца, единожды побывав им, уже невозможно. ... *Блин, где ж эта рыжая стерва? Она осталась последняя... хотя нет, с Дашкой все-таки надо поговорить – муж-колдун мог стереть ей память, чтоб, типа, не было, ни Кристины, ничего... А я ей все верну!.. О, будет сюжетец!..* Но в этот почти судьбоносный момент мысли прервались, ибо в них вторгся посторонний голос:

– Давно ждешь?.. А чего вид такой пришибленный – вроде, отняли вкусную конфетку?

Женя с трудом выделил среди прочих веселое Танино лицо.

– Привет, – сделав усилие, он вернул себя к крохотной реальности, которая должна была занять мысли на время подготовки к творению нового фантастического мира.

– Знакомьтесь – это Вика, а это – Женя, известный писатель.

Женя усмехнулся при слове «известный», но решил не принижать своих достоинств; тем более, писатель, как олимпийский чемпион, не бывает бывшим, если книга уже стоит на полке.

Он внимательно оглядел Танину подругу, но не нашел в ней ничего примечательного – глаза как глаза, ноги как ноги, самые обычные волосы, не длинные и не короткие. Правда, ее одежда была подобрана, на удивление, гармонично – словно лиловая волна перекатывалась от босоножек к крохотной заколке на голове. Это говорило о вкусе, недостатке, но совершенно не ласкало взор, и уж, конечно, не шло ни в какое сравнение с тем, когда он впервые увидел Дашу.

– Пойдем, – Таня взяла Женю за руку.

...Кем же Дашка тут работает? Неужто тупо торгует какой-нибудь фигней? Да нет, до этого она не опустится... а бухгалтерию вряд ли потянет, потому как, филолог...

– Жень, что случилось? – Таня заглянула ему в глаза, – между прочим, я тебя за язык не тянула – ты сам захотел приехать. Чем ты недоволен?

– Нет, все нормально, – он обнял Таня, и та успокоилась – наверное, женщинам всегда приятно, когда их обнимают на глазах их подруг.

Таня привела всех магазинчик, находившийся в конце зала. Вид полок, заставленных компьютерами и мониторами, вызвал у Жени безрадостные ассоциации. *...Опять возвращаться к этим железкам, чтоб только заработать на хлеб?.. Нет, так не будет никогда!.. Надо только чуть-чуть переждать, пока голова наполнится новым содержанием. Надо впитывать, впитывать все, что есть вокруг!..*

– Ой, сколько их тут! – воскликнула Вика.

– Значит, так, – Женя с радостью отрешился от своих мыслей, – есть два принципиальных вопроса: какие задачи требуется решать и на какие бабки мы рассчитываем.

– Задачи развлекательные – пока муж обеспечивает, работать я не собираюсь, а по деньгам... – она пожала плечами.

– Жень, у нее муж – такая крутизна, что нам туда и не доплюнуть, – пояснила Таня, – бабки гребет двадцать четыре часа в сутки, а Вике реально скучно. Но девушка она домашняя, приключений на задницу не ищет – надо ее чем-то занять.

– Ясно. Сейчас скомпонуем, – Женя взял со стойки толстый прайс-лист и пройдясь вдоль полок, повернулся к Вике, – тысяч на пятьдесят потянет. Это нормально?

– Вполне. Мне так и говорили, – девушка достала толстый мужской бумажник.

– Тогда выписываем, – Женя подозвал паренька в униформе, и пока тот оформлял заказ, повернулся к Тане, – я сейчас на склад, а вы пока поймите машину, а то доставки здесь нет.

– Так я сама на машине, – улыбнувшись, Вика небрежно отсчитала десять новеньких пятитысячных купюр, – только там припарковаться негде. Я подгоню и жду вас внизу.

– Крутые у тебя подруги, – покачал головой Женя, глядя вслед новой знакомой.

– Да ну, – Таня махнула рукой, – она нормальная девчонка. Учились вместе – просто повезло в жизни, только и всего. От этого ж никто не застрахован, так ведь? Через год, может, ты круче ее мужа будешь. Это мы, бухгалтера, серые мышки, которые пахнут на других...

Пока грузчики подбирали комплект, Таня успела рассказать, как они с Викторией «чудили» в университете, как растерялись и случайно встретились снова. Женя сначала слушал, пытаясь вычленивать хоть что-то интересное, но потом решил, что это самая заурядная история, не заслуживающая внимания.

Когда коробки спустили вниз, то прямо у двери они увидели черный кабриолет с откинутым верхом. За рулем сидела Вика, а вокруг успели собраться зеваки, с любопытством разглядывавшие диковинную машину.

– Так всегда, – Таня засмеялась, – прикинь, Вика рассказывала, когда муж гнал эту тачку из Москвы, гаишники три раза тормозили – просили показать, как крыша убирается.

– И как она убирается? – Женя плюхнул системный блок на заднее сиденье.

– Складывается в багажник, причем, автоматически!

– Блин, до чего техника дошла!..

Новое знакомство постепенно вытесняло впечатления от недавней встречи с Дашей. Скорее всего, Женя сам усиленно пытался уничтожить их, вникая во всякую ерунду, типа, совершенно ненужного ему механизма убирания крыши; вспоминая, какие игры лучше закачать для скужающей дамочки и на какие сайты ее отправить. Было еще множество мелких мыслишек, чей радостный хаос подтверждал, что не все в жизни оборвалось вчерашним утром, и когда-нибудь, из чего-нибудь, но новый роман состоится.

– Дальше справитесь? – Женя небрежно оперся о машину.

– Обижаешь, – Таня уселась рядом с водителем, – только, вот, в «игрушках» я плохо соображаю, так что, если не в лом, сделай так, чтоб девушке было интересно. Заодно обмоем приобретение, – она хитро улыбнулась, – я ж знаю – обмывать надо даже свежую газету, да?

– На игры хватит? – Вика достала еще пару пятитысячных.

– За глаза, – Женя сунул деньги в карман, – то есть можно приезжать в гости?

– Даже нужно! – Вика засуетилась, – смотрите, как нас найти, а то заблудитесь...

По Викиному рассказу, Женя представил замок, обнесенный крепостной стеной, только располагался он не в дремучем лесу, а, в «Долине нищих» – таких в городе возникло сразу несколько, когда в начале перестройки у людей появились шальные деньги.

Тихонько заурчав, кабриолет резво сорвался с места, нагло вытеснив из ряда новенький «Фольксваген». Женя задумчиво почесал затылок. Нет, он ничуть не завидовал, ни шикарной машине, ни «замку» – в конце концов, они надоедят так же, как однокомнатная квартира и поездки в городском транспорте. *...Но есть ведь то, что никогда не может надоесть, и дорога туда пока одна...* Он повернулся к «Торговому Центру», пытаясь угадать, за каким из окон может скрываться Даша, однако интуиция молчала.

Не придумав ничего лучшего, он принялся методично обходить крохотные магазинчики, но терпения хватило лишь на двенадцать торговых точек, составлявших процентов десять от общего количества, а ведь в задней части здания еще располагались офисы, перед которыми сидели суровые охранники с дубинками. *...Нет, лучше ловить по телефону, – решил Женя, выходя на улицу, – главное, она жива, здорова, никуда не уехала... хотя, насчет уехала... может, она развелась с Виталием, потому и пошла работать?.. Ладно, меня ж никто не гонит – у меня отпуск если так и не подойдет, тогда уж буду ловить ее здесь, с утра пораньше... – и вдруг его осенило, – а надо ли это?.. Возможно, показав, как она изменилась, мне намекнули, что Дашка – отработанный материал... и подсунули Виду!.. Дашка привела меня к египетской царице, а эта «миллионерша» куда?..*

Предположений не возникло, и предоставив событиям развиваться естественным путем, Женя отправился на пяточок, где «пираты» давно образовали вполне легальный рынок контрафактной продукции. Затарившись играми, он решил, что возвращаться домой незачем, а таскаться по городу с пакетом не хотелось, да и конкретное время никто ему не назначал. *...Значит, прощупаем новую сюжетную линию...* – радостно решил Женя.

Маршрутка довезла его до того места, где беспорядочное стадо многоэтажек вольготно паслось на летном поле давно прекратившего свое существование аэропорта – там им должно было хватить простора еще лет на десять. Только влево их не пускали несколько хибар под шиферными крышами, которые играли роль пограничной заставы между миром богатых и средне статистических людей, так как сразу за ними начиналась та самая Долина нищих.

Правда, на долину она совсем не походила – кирпичные заборы смыкались в сплошную стену выше человеческого роста, прерываемую лишь разноцветными заплатками запертых ворот. Над стеной виднелись башенки, шпили, купола и прочие изыски «постсоветского ренессанса». Особняки стояли ровной шеренгой с одинаковыми просветами, в которые виднелся второй ряд строений; за ним, вероятно, существовал третий, и так до самого парка с полуразрушенным зданием летнего театра и поржавевшими аттракционами. Поскольку на улице Женя

не видел ни одного человека, не слышал, ни смеха, ни голосов, все это напомнило ему «город мертвых», только вместо неприметных пещер, здесь высились вычурные склепы.

...Нет, не приспособлен я быть богатым, — подумал он, — вот, странно — то, что для других является смыслом жизни, у меня не вызывает никаких положительных эмоций. Следовательно, во мне есть нечто другое. И я даже знаю, что именно!.. Надо только научиться реализовывать возможности по собственному желанию, безо всякого господина Виталия!.. — мысли обрели направленность, заставляя от созерцания перейти к действиям. По Викиной ориентировке Жене прошел с полкилометра, пока не появился узкий проход, ведущий вглубь квартала; свернул в него и еще метров через сто увидел ворота — такие, как описывала их Вика. Не найдя, ни звонка, ни домофона, он вошел в приоткрытую калитку.

На фоне остальных, дом выглядел несколько странно. Во-первых, он был единственным одноэтажным, а, во-вторых, его, вроде, искусственно слепили из двух частей — классического прямоугольника с небольшими окошками, и неизвестной геометрической фигуры с множеством тупых углов. Зато крышу украшала стела, на которую так и просился фамильный герб, а по углам высились смешные башенки, придававшие дому сходство с шахматной ладьей. Крошечный участок вокруг был выложен плиткой, через которую не пробивалась даже трава.

...Это лицо нашей цивилизации — облагороженная пустыня с уродливым оазисом посередине, — подумал Женя, поднимаясь на высокое крыльцо. Едва он коснулся звонка, как послышалась далекая соловьиная трель (наверное, все-таки обитателям хотелось чего-то живого, но они стеснялись в этом признаться, и заменили птицу механизмом).

Дверь распахнулась.

— ...Во, приколы, прикинь, да? — Вика обращалась в глубину дома и только потом повернулась к Жене, — ой, проходите!

Если утром девушка запомнилась лишь дорогим автомобилем и готовностью сорить деньгами, то сейчас Женя отметил, и блеск в глазах, и раскованные движения, и веселый голос. *...Либо действуют «родные стены», либо алкоголь — они ж с Танькой, небось, уже приняли по рюмке. Есть еще вариант, что она рада конкретно мне, и тогда это, точно, сюжет!.. Нет, пока она еще не заслужила, чтоб я вставил ее в свой роман — Дашка, вот, заслужила!..*

— Привет, — он протянул пакет, — лет на пять хватит, а потом надоест. Я не рано?

— А у нас не званый ужин, — Вика игриво дернула плечиком, — проходите, не разувайтесь.

Женя сделал шаг и испуганно отпрянул. На мгновение ему показалось, что пространство раскололось на две абсолютно симметричные части, и неизвестно было, где реальность, а где ее отображение, потому что сам Женя равноценно присутствовал в обоих измерениях.

— Не пугайтесь, первый раз все шарахаются, — Вика расхохоталась, — такое, вот, у нас зеркало. Пойдемте.

Облегченно вздохнув, Женя осмотрелся и, кроме зеркала, обнаружил еще две интересные вещи — вазу и картину. Ваза была какой-то кривобокой, с красно-черным узором, состоявшим из точек и волнистых линий — она походила на работу пятиклассника из кружка «Умелые руки». Картина изображала горный перевал с широкой дорогой, вырубленной в скалах, но удивила Женю техника автора — казалось, будто смотришь на пейзаж сквозь залитое дождем стекло.

— Пойдемте, — повторила Вика, толкнув одну из дверей, и Женя не успел рассмотреть картину получше, — здесь у нас кухня.

Холодные бело-синие тона дышали морозной свежестью, и Таня, «колдовавшая» над столом, выглядела маленьким Каем, складывающим слово «вечность».

— Ты что такой обалдевший? — «Кай» поднял голову, — так живут нормальные люди.

— Да уж... — Женя оглядел огромную кухню, где не только стены и мебель, но даже холодильник с микроволновкой были синими. Это наблюдение могло пригодиться — тем более, если Вика все-таки станет героиней нового романа.

– Вик, устрой Женьке экскурсию, пока он выпивать не начал, а то заблудится, – предложила Таня, споласкивая нож.

– Начнем с главного, – Вика вернулась в холл с зеркалом, – туалетов тут два. Идемте, покажу.

Кроме полезной информации, экскурсия включала посещение «комнаты для гостей», библиотеки, где своих книг Женя, естественно, не обнаружил; кабинета, исполненного в мрачных бордовых тонах, и жилых комнат, показывать которые было и вовсе не обязательно.

Когда Вика открыла очередную дверь и коснулась выключателя, Женя зажмурился от неожиданно яркого света. Открыв глаза, он увидел зал, площадью метров сорок, и посередине, на специальном столике, массивную фигуру, похожую на идола. Фигура сидела, поджав скрещенные ноги и прижав руки к груди. В ней напрочь отсутствовало то, что принято называть красотой, зато чувствовалась жуткая мощь, чем-то роднившая ее с животным. Женя решил, что подобный шедевр примитивизма мог создать только истинный мастер. Однако идол сразу отошел на второй план, когда он взгляделся в картины на стенах. Сюжеты напоминали марсианские пейзажи, прописанные до таких деталей, что выглядели окнами в параллельный мир. Женя подумал, что если пролезть в любое из них, то сразу окажешься в новом романе; прищурился, вглядываясь в открывающийся ландшафт. ...*Нет, конечно, это мои фантазии... хотя тогда все тоже начиналось с фантазий Вовки Царева!..*

И все-таки пейзажи были земными, только абсолютно невозможными для понимания. Например, воды мертвенно-серого моря омывали берег пустыни (!) – не узкую полоску песка или гальки, а край бесконечной, каменистой равнины, которая на горизонте замыкалась спрятанными в облаках горами. Присмотревшись внимательнее, Женя понял, что это вовсе и не облака, а тучи вулканического пепла, поднимавшегося из кратера вместе с дымом и огненным заревом. Только бог с очень большой фантазией мог создать землю такой. Тем не менее, в Женином сознании даже не зародилась мысль о выдумке злого художника – он почему-то был уверен, что такое место существует.

– Жень...

– А? – он неохотно оторвался от полотна.

Вика, видимо, сама не знала, что хотела сказать, и Жене ничего не оставалось, как сделать шаг к следующей картине. Она как бы являлась продолжением первой, правда, горы сделались ближе. Они выглядели, как гигантские стены, штурмовать которые под силу, разве что, титанам, и внушали, скорее, ужас, нежели бравую романтику бардовских песен. Наверное, поэтому на них не изобразили, ни людей, ни животных, а лишь красноватый отсвет выползавшей изнутри магмы – Земля давилась этой блевотиной и кашляла землетрясениями.

Женя отвернулся; взгляд перенесся на другую стену, и сразу все изменилось. Поросшая травой долина не имела границ – она не имела вообще ничего, ни дерева, ни птицы в небе. Взгляд метался, натываясь на обломки скал, словно вежи, отмечавшие путь божества, прошедшего тут много веков назад. Женя услышал звенящую пустоту долины, и захотелось заткнуть уши, чтоб спрятаться в собственной тишине, маленькой и уютной. Никогда еще ни одно изображение не действовало на него с такой правдивой силой. Он чувствовал себя там – это рождало страх и желание немедленно бежать, но, чтоб преодолеть долину, казалось, требуется целая жизнь!.. Хотя, пока он находился в зале, все происходило легко и просто – всего пара шагов, и, вот оно, следующее полотно.

После скупости предыдущих ландшафтов буйство зелени обрушивалось так неожиданно, что в первый момент в душе возникла неопишуемая радость. Это уже потом, когда зеленое пятно распалось на отдельные растения, непроходимо сплетенные между собой, страх вернулся с новой силой, потому что подсознательно Женя знал – выбраться из этих дебрей невозможно. Как невозможно и жить в них. Они просто уничтожат тебя, чтоб освободить место для очередного побега, уже горбатящего почву.

Лес продолжался и на следующей картине, только занимал уже не центральное место. В центре находилась река – широкая и бурная, обрамленная зарослями незнакомой травы с невиданными цветами; в нее было страшно входить и нельзя выбраться обратно, если ты каким-то предательским образом оказался в воде.

Жуткая смерть, порожденная непобедимыми силами природы, сквозила в каждом полотне, и Женя ощущал на себе всю ее неотвратимость, вроде, уже неоднократно пытался бороться с этим реально существующим адом, специально созданным для нечеловеческих мучений.

– Это пишет твой муж? – он обернулся к Вике.

– Что вы?.. – она засмеялась, – но, согласитесь, ведь здорово?

– Здорово, – Женя подошел к луне, размытым шаром повисшей над одиноким плотом, который замер в спокойной желтоватой воде. Наверное, это было озеро; мертвое озеро и пустой плот. По крайней мере, так казалось с берега.

– Вам, правда, нравится?

– Знаешь, – Женя не нашел однозначного ответа, – я иногда хожу через сквер, где стоят местные художники, но ничего подобного не видел.

– Там такого и быть не может, – Вика покачала головой, – там сплошная халтура. Они проецируют на холст слайды, а потом раскрашивают, – она заслужила право на этот снисходительный тон, являясь частью дома с такими (!) картинами.

– Да?.. – Женя по-новому посмотрел на хозяйку. Ему и в голову не приходило, что разговор может перейти на искусство, – а муж у тебя кто?

– Бизнесмен, но я не лезу в его дела – мы так договорились. Все, пойдемте обратно, – она поежилась, будто ветер с гор добрался и до нее.

– А снаружи дом кажется больше, – заметил Женя.

– Все правильно. Там есть еще три комнаты.

– И что в них, если не секрет?

– Ничего секретного, но это отдельная история. Если хотите, расскажу. А сейчас идемте, а то Танюшку бросили. Она уж, небось, стол накрыла.

Пока они шли обратно, Женя совсем потерялся среди многочисленных дверей, которые Вика открывала и тут же закрывала, создавая иллюзию лабиринта.

– А почему все комнаты проходные? Разве это удобно?

– Нет, но дом старый, и мы приспособивались к прежней планировке. Игорь тут, конечно, многое достроил...

– Старый?..

– Не похоже? – Вика снова засмеялась, – тут фундаменту лет сто – потому мы и второй этаж не решились надстраивать.

Неожиданно они оказались рядом со знакомым зеркалом, и через открытую дверь было видно, как Таня раскладывает вилки.

– И где вы ходите? – она подняла голову.

– Могу я хоть раз уединиться с чужим мужчиной? – Вика хитро подмигнула, предлагая Жене поддержать игру, но его мысли были заняты равнинами, которые ломаясь, словно глиняные черепки, превращаясь в неприступные скалы; скалы тут же прорастали буйной растительностью, теряя грозные очертания, и все это река уносила в жуткое серое море...

– Чего это с ним? – испугалась Вика, – мы в «замри» играем?

– Не обращай внимания, – Таня махнула рукой, – он же писатель. Ему мысль пришла, и он ее думает. Жень! – она дернула его за руку, – очнись! Ты ж сам сказал, что у тебя отпуск.

– А, ну да... – видения свернулись в крохотный черный клубок, который со свистом устремился к горизонту и пропал, оставив взамен двух девушек, не имевших к нему никакого

отношения; и еще стол с салатами, тарелкой истекающего прозрачным соком мяса и разнокалиберными бутылками.

– Жень, вы меня не пугайте, – успокоившись, Вика отодвинула стул, – лучше садитесь.

– Это я так, задумался, – Женя улыбнулся, – просто, когда я смотрел картины, мне показалось все это удивительно знакомым, но я же точно знаю, что никогда ничего подобного не мог видеть. Интересно, да? – ему никто не ответил, и пришлось беседовать с самим собой, – мне стало страшно. Как бы это сказать?.. Страшно ни того, что из-за куста выскочит зверь, а страшно устоявшегося в своем единстве враждебного мира... вы понимаете?..

– Нет, – честно призналась Вика.

– Ну и ладно, – Женя вздохнул, решив, что возникшее мимолетное чувство еще очень далеко от того состояния, когда его можно выразить словами.

– Жень, наливай, – Таня уселась с ним рядом, – Вика персонально тебе купила самой дорогой водки, так что цени. Слушай, а почему ты считаешь, что мир враждебен? – вдруг спросила она – наверное, для бухгалтера каждый вопрос обязан иметь четкий ответ, причем, все ответы должны еще и корреспондироваться между собой, как счета в балансе, – люди несовершенны, а мир совершенен, иначе б не просуществовал тысячелетия...

– Может, хватит? – Вика подняла бокал, – вы и наедине проводите время в умных беседах?

– Не всегда, – Таня засмеялась, сбрасывая мантию магистра всех наук, – правда, милый? Женя кивнул, хотя в данный момент любое времяпрепровождение казалось жутко примитивным, в сравнении с тем, что на мгновение открылось ему через «окна» в стенах зала.

– Вик, – спросил он, – а кто это рисовал?

– Сейчас расскажу.

Пока Вика собиралась с мыслями, Женя успел осушить пузатую, как бочонок, рюмку водки, а Таня принялась жевать, смакуя каждый кусочек и демонстративно ожидая, когда кто-нибудь похвалит ее кулинарные таланты, но так и не дождалась.

– Это перуанские пейзажи, – Вика сделала глоток, наблюдая за произведенным эффектом.

Женя, и правда, замер с открытым ртом и поднесенной к нему вилкой. Скорее, он ожидал услышать, что все это находится где-то на Луне, но название «Перу» звучало очень реально, и в то же время являлось недоступным, как та же Луна. И как связать это воедино?..

– Берег – это залив Гуаякиль, – продолжала Вика, – горы вдаль – Кордильеры. Они преграждают путь влажным ветрам с востока, поэтому там пустыня.

– Постой, – Женя пришел в себя, – ты что, была там?

– Нет. Там жила хозяйка этого дома.

– Хозяйка?.. Я ничего не понимаю, – Женя взялся за бутылку, чувствуя, что без ста грамм ни в чём и не сможет разобраться.

– Мудрое решение, – Таня пододвинула бокал, – я-то слышала это тысячу раз.

– Погоди, – торопливо плеснув ей вина, Женя снова вернулся к Вике, – какая хозяйка?

– Когда выделяли землю под застройку, здесь стояли дома, подлежащие сносу. Игорь всегда мечтал о коттедже, а не о квартире, но узнал обо всем слишком поздно. Короче, осталась последняя хибара, из которой хозяйка наотрез отказывалась уезжать. Какие квартиры ей только не предлагали!.. Но, в принципе, понять ее можно – ей тогда уже было за семьдесят. Зачем ей четыре стены, хрен знает на каком этаже – ей тут лафа. А Игорь, он настырный – долго он к ней ездил, и нашли они-таки компромисс – он делает, типа, пристройку, отделяет весь дом, чтоб смотрелся единым ансамблем, обеспечивает хозяйку до конца жизни, а она сразу составляет в его пользу завещание на свою часть дома, благо, родственников у нее нет. То есть, после ее смерти мы становимся единоличными хозяевами. Мы тогда подумали – ну, сколько она протянет? Год, два... а она живет и живет!.. Пряма, вечная! Правда, с головой у нее

уже не все в порядке, но, по большому счету, нам это не мешает. На улицу она не выходит, ни в какие дела не лезет – рисует свои картинки, да играет на какой-то глиняной фигне; питается кашами. Игорь ей по мешку разных круп забросит, и на полгода. Так что, пусть живет – опять же нам налогов меньше платить.

Женя подумал, что начиналась история гораздо привлекательнее, чем оказалось в реальности. От разочарования он выпил очередную рюмку и наконец добрался до мяса.

– Тань, а ты – кулинар, однако, – он смачно слизнул с верхней губы капельку жира.

– Ты не знал? Будто я тебе не готовила!.. Конечно, не часто, но сам виноват...

– Так вот, Перу, – напомнила Вика, не желавшая покидать центр внимания.

– И что Перу? – Женя снова повернулся к ней. Перу еще оставалась загадкой, но, скорее всего, она разрешится так же прозаически, как и предыдущая, касающаяся трех запретных комнат. ... *Только «рыжая» может толкнуть меня в новый сюжет, а уж никак не подружка главбуха*, – разочарованно подумал он, но, кроме Вики, слушать было все равно некого.

– В Перу она попала после войны, когда американцы освободили ее из плена. Уехала сначала в Штаты, но что-то там не сложилось; перебралась в Мексику, а потом и в Перу. Там тоже не получилось, хотя, говорит, и работа была, и деньги; испанский язык опять же знает в совершенстве... но, не важно. Короче, в начале шестидесятых решила она вернуться в Советский Союз. Тогда время уже нормальное было – «возвращенцев» в лагеря не сажали, а про нее даже в газете писали – не выдержала, мол, гнета капитализма. Тогда она дом этот и купила, но теперь, вот, по Перу тоскует – видать, не такой уж плохой капитализм там был. А она – художница, даже училась где-то. Вот и стала картины писать. Игорь их сначала просто так покупал – чтоб ей приятно сделать, а потом выдумал латиноамериканского художника – с биографией, с портретом, и под эту марку толкает их...

– Вообще-то подлинность произведений проверяется, – заметила Таня, будто грязной рукой литературного критика влезая в сказку Андерсена.

– Ой, ну я не знаю! – Вика сморщилась, – видно, есть у него кто-то в музее – какие-то заключения ему там пишут...

– Бог с ними, с заключениями. Давайте выпьем, – Женя поднял рюмку. Как он и ожидал, мир не перевернулся, поэтому можно было спокойно жить дальше, ожидая уготованного «рыжей» озарения.

– Давайте за мою обновку, – вспомнила Вика, – а то вдруг работать не будет.

– Починим, – Женя махнул рукой, – в Перу мы не были, но с компьютерами дружим.

Вечер, который долго бродил вокруг дома, напоминая, что пора расходиться, наконец не выдержал и уступил место ночи. Впрочем, этого никто не заметил – посмотреть, ни в окно, ни на часы, никому в голову не пришло. Женя, распляемый водкой и наивными Викиными вопросами, по полной программе выдавал теорию гениальности, почерпнутую из газеты, и, в конце концов, пообещал всем подарить новую книгу.

По мере того, как он чувствовал себя все значимее на фоне других писателей, катастрофически заканчивалась водка. Сначала бутылка выглядела очень внушительно, и маленькие циферки «0,7» в углу этикетки вселяли уверенность в бесконечности веселья, однако, то ли распоясавшееся сознание постоянно требовало допинга, то ли закуска оказалась чересчур калорийной, но наступил трагический момент, когда Женя встряхнул бутылку и прошептал заветное заклинание:

– Барсик, еще капельку... – но «Барсик» был непреклонен, и Женя сообразил, какое количество жидкости уже перекочевало в его организм, – пойду, проверю, как функционирует сантехника, – он оперся о стол и с трудом поднялся.

– Тебя проводить? – спросила Вика.

– Да ладно... – и совсем ни к месту добавив, – язык до Киева доведет, – направился к выходу, стараясь попасть в дверь.

Почему он отправился искать туалет, находившейся в комнате для гостей, объяснению не поддавалось – просто он так решил, а пьяные люди редко меняют решения. Видимо, их сознание способно реально воспринимать лишь одну мысль, а перебирать варианты для него слишком непосильная задача.

Через минуту Женя оказался в полной темноте. Остановился, шупая стену, но выключателя так и не обнаружил.

– И фиг с ним... – пробормотал он. То, что выключатель все-таки лучше найти, являлось уже второй мыслью, излишне перегружавшей сознание, и он упрямо двинулся вперед, пока не наткнулся на препятствие. *...Даже прикольно, – он нежно гладил, похожую на ткань, поверхность обоев, – интересно, что будет раньше – я обоссусь или найду сортир?.. Нет, я должен его найти, а то, блин, неудобно получится...* – он споткнулся, чудом не рухнув на пол, но плюхнулся на диван. Искушение вытянуться и закрыть глаза было велико, но эта мысль вновь оказалась второй, поэтому он поднялся и наткаясь на стены, побрел дальше. *...Никакой свет мне ни хрена не нужен!.. Я сам все найду! Это приключение!.. Это лабиринт!.. Мой герой тоже попадет в лабиринт!.. Это будет в... а хрен его знает, где это будет!..* – больше Женя не следил за своими перемещениями – упиваясь азартом, он старался сблечь ощущение неизвестности, встречавшей его распростертыми объятиями, чтоб потом перенести это на бумагу. Но ощущения путались, оставляя лишь состояние сладостной тревоги.

Судя по мебели, периодически нагло наскакивавшей на него, и менявшейся фактуре обоев, Женя понял, что заблудился вполне реально, и тогда тревога перестала быть сладостной. Возникло даже трусливое желание позвать Вику, но мужская гордость не могла этого допустить. В туалет ему уже расхотелось, зато мозги просветлели – вроде, жидкость, скопившаяся в мочевом пузыре, поднялась к голове.

...Вот тебе, и урилотерапия!.. – Женя очередной раз налетел на угол чего-то, и медленно пополз рукой, опознавая предмет, – *это шкаф... со стеклами... кружевная салфетка... блин, не помню такую... какой-то допотопный телевизор... такого, точно, не было!..*

Отдернув руку, Женя замер, потому что приключение выползло за рамки придуманного. Он повернулся, вода руками в пустоте. Теперь надо было быть осторожным, потому что неизвестно, куда мог привести следующий шаг. *...А в этом ли я измерении?.. Однако, телевизор... Если я провалился, то не глубоко, – мгновенно в сознании возник миллион захватывающих сюжетов, – говорят же, мысль материальна... я хотел роман?.. Вот, он!.. А как же тогда «рыжая»?.. Или она изменила облик?.. Она ведь все может!..*

Вопросы, не имеющие ответов, да еще обостренные пьяным восприятием, рвали на части устоявшуюся систему мироощущений. *...Отсюда надо сваливать!.. Дверь!.. Где дверь?..* – осторожно скользя рукой по стене, Женя неожиданно наткнулся на картины, висевшие в беспорядке. *...Это не зал... блин, была б хоть зажигалка!.. Как я оставил ее на этой чертовой кухне?.. Нет, точно, не зал – там не было телевизора...* Тем не менее, перед мысленным взглядом возникли жуткие пейзажи, и Женя представил, как неведомый ветер выносит его в «окно», словно соринку; еще он чувствовал, что ноги начинают дрожать, и тут очень кстати ему попался очередной диван; бессильно опустился на него и закрыл глаза. Темнота осталась неизменной, зато теперь в ней можно было спрятаться, а не стоять мишенью посреди неизвестного пространства. А тишина продолжала нагнетать страх – казалось, еще секунда, и она расколется выплеском адского грохота и пламенем, проглатывающим существующий мир. Но вместо этого комнату заполнили мелодичные звуки – они всасывали в себя переполненное страхом пространство, умиряя надвигающуюся катастрофу.

Мелодия переливалась журчанием воды, дыханием ветра и еще чем-то успокаивающим, будто влажное полотенце, приложенное к горячечному лбу; не было в ней одного – радости. Ее красота напоминала взгляд созерцателя, утратившего чувства и потерявшего всякую надежду, зато взамен обретшего покой. Под нее хотелось плакать.

Впечатление оказалось настолько сильным, что сознание, медленно освобождавшееся от хмельных оков, не могло даже определить, родился ли этот тоскливый мотив в нем самом или все-таки пришел извне. Женя таращил глаза и вертел головой в поисках источника звука, но это ничего не меняло, и тогда он решил, что сам придумал мелодию, и она звучит у него в душе. Он радостно углубился в нее, отрешаясь от всего, и клубившийся в голове туман стал приобретать некие очертания; еще чуть-чуть воображения, и он рухнет старой пыльной шторой, а, вот, тогда!..

«Тогда» наступило быстро – Женя увидел перед собой дорогу. Это была дорога с картины, висевшей в холле, только почему-то изменилась точка обзора и дождевые капли, размывавшие изображение, тоже исчезли.

Оказывается, дорога вела вовсе не к горам, а плавным изгибом уходила вправо. Если повернуть голову... (*...Блин!.. Я способен повернуть голову художника!.. Хотя нет, это уже работаю я, а не художник...*), то открывалась панорама города, имевшего четкую естественную границу, то ли из оврагов, то ли из неглубоких ущелий. Над толчеей домов, построенных из камней самой непредсказуемой формы, главенствовало некое сооружение. С непривычки на его блеск, наверное, было трудно смотреть, но Женя чувствовал, что его глаза имеют такую привычку. Они не слезились и не пытались переместить взгляд на серые камни – они вбирали в себя сияние, постепенно распознавая в нем главные ворота с золотыми барельефами и глазами из драгоценных камней; остроконечную крышу, как и стены, покрытую золотыми пластинами... Это зрелище не поддавалось словесному описанию, а язык души, не требовавший слов, подсказывал лишь одно желание – повернуться к нему лицом, склонить голову и опустив руки с раскрытыми ладонями, немедленно поведать все тайные помыслы.

...Впрочем, какие у меня могут быть помыслы, если Великий Инка решает за меня, где я должен жить; сколько маиса, картофельной муки и сушеного мяса должен получить, чтоб уложиться в предписанный дневной рацион; сколько должен износить одежды и сандалий за год; сколько дней работать и сколько отдыхать. Я еще только иду к городу, а Великий Инка уже определил квартал, в котором мне разрешено поселиться... Великий Инка знает все! Так, какие у человека могут быть помыслы, кроме служения Великому Инке? Даже жену мне выберет он, когда решит, что наступил подходящий день. И эта неизвестная женщина, так же, как моя мать, будет покорно рожать детей, готовить пищу, присматривать за ламами, собирать травы, прядь и ткать... Все знает Великий Инка, чей отец – Солнце, обитающее в золотом доме на холме...

Внезапно мелодия оборвалась, и вместе с ней рассыпался город с золотым дворцом, а дорога вновь уперлась в горы, обретая ракурс, ограниченный шириной рамы. Только состояние собственной малости и предопределенности бытия сохранялось еще некоторое время – пока не вспыхнул свет.

Женя открыл глаза. Он сидел на диване в абсолютно незнакомой комнате. Напротив стоял старенький телевизор, а стены были увешаны пейзажами. Больше они не пугали, потому что он успел ощутить себя их частью и не усмотрел в этом ничего противоестественного. А еще в комнате появилась сморщенная старуха со смуглой кожей и блестящими, как в рекламе, черными волосами. Увидев незваного гостя, она не закричала и не кинулась звонить в милицию; на ее лице не дрогнул ни один мускул – лишь глаза смотрели так пристально и отрешенно, что Женя окончательно растерялся. Он сразу догадался, что забрел на чужую половину, но не знал, должен ли оправдываться или может просто встать и уйти – взгляд хозяйки не подсказывал решения.

Наверное, немая сцена могла продолжаться очень долго, потому что в позе женщины не было напряжения, только, вот, Женя чувствовал себя полным идиотом. У него даже не спрашивали, кто он и что здесь делает!.. *...Хотя, Вика ж говорила, что старуха выжила из ума, —*

вспомнил он, – *тогда все объясняется, кроме, разве что, удивительной мелодии – сумасшедшая не может так играть...*

Свой музыкальный инструмент женщина держала на уровне груди, готовая в любую минуту, как факир, продолжить заклинание, если змея вздумает броситься. ...*Если ей не интересно, откуда я тут взялся, то и не будем заострять на этом внимание*, – решил Женя.

– А на чём вы играли? – спросил он, проверяя, способно ли это человекоподобное извращение слышать и говорить.

– Это кена – старинная индейская флейта.

– Мне очень понравилось.

– Еще бы не понравилось, ведь она воскрешает в тебе то, что давно умерло, – лицо женщины по-прежнему не выражало никаких эмоций, а голос был ровным, как гул ветра.

– Что вы хотите этим сказать?

– Только то, что сказала. Посмотри вокруг, и сам поймешь. Только смотри зорко, а не так, как привык смотреть...

Женя обвел взглядом комнату и вдруг с удивлением обнаружил, что картины складываются в единую панораму, замыкающую пространство со всех четырех сторон: впереди, наполняя друг на друга, громоздились горы; справа – город с золотым дворцом; сзади – примитивный мост через широкую реку, а он сам находился в центре и почему-то не чувствовал себя чужим среди всего этого.

– Кажется, я понимаю... – произнес он медленно, – но не могу объяснить.

– А зачем объяснять словами то, что понимаешь? – резонно возразила женщина, – зачем, вообще, что-то объяснять, если мы не в состоянии ничего изменить? Только Великий Инка все знает и может все объяснить. Он принял на себя все думы подвластных ему народов. Как Великий Ленин.

Сравнение получилось настолько шокирующим, что Женя не нашелся, что ответить.

– Хочешь, я подарю тебе картину? – спросила женщина, – тогда ты в любой момент сможешь бывать там, откуда пришел.

– Постойте! – Женя подался вперед, нарушая статичность сцены, – вы что, верите в прошлую жизнь и хотите сказать, что когда-то я был индейцем?..

– Чувствовать это наверняка, можешь только ты сам, – женщина пожала плечами, – скажу я «да», или скажу «нет» – ты вовсе не обязан мне верить, ведь так?

– Так...

– Тогда зачем спрашиваешь?

Диалог получился настолько исчерпывающим, что Женя больше и не знал, о чем говорить. В самом деле, ведь абсолютно все есть вопрос веры. Даже самый неопровержимый факт можно подвергнуть сомнению, и только вера расставляет вещи по своим местам – а вера эта заключена в нас самих, в наших желаниях и восприятиях. Таким образом, получается, мы видим мир только таким, каким хотим его видеть, а остальное – есть наши сомнения в собственной вере...

– Это старая индейская мудрость? – спросил Женя.

– Это просто мудрость, – женщина улыбнулась (если, конечно, можно назвать улыбкой чуть дрогнувшие уголки губ).

Женя не был готов к продолжению беседы, и проблема заключалась не в тяжелой голове и похмельной сухости во рту, а в том, что он не способен апеллировать понятиями, которые в чужих устах кажутся абсолютными.

– Помогите мне выбраться отсюда, – попросил он.

– Откуда? – женщина подняла взгляд на картины.

...Блин!.. Почему она все время мыслит такими глобальными категориями?.. – это было первое, что пришло на ум, но тут же Женя подумал, что, возможно, и сам не знает, что конкретно имел в виду.

– Отсюда, – повторил он, предоставляя женщине право выбора его желаний.

– Хорошо. Вон дверь, через которую ты пришел. Через нее же ты можешь уйти.

– Спасибо, – уже поднявшись, Женя осознал, что не хочет уходить отсюда. ...Откуда, «откуда»?.. Из этой комнаты?.. Чертова индейская философия сплошных недомолвок!.. – решив оставить размышления для более светлого сознания, он все-таки дошел до двери и повернув ручку, увидел кабинет Игоря, куда Вика приводила его во время экскурсии. Под дверью, ведущей вглубь «пристройки», виднелась полоска света.

– Я не знал, что дома сообщаются, – Женя обернулся, – извините, что потревожил.

– Дома сообщаются. Мы с Игорем так решили. На всякий случай. Только обычно он запирает дверь. Наверное, сегодня она должна была остаться открыта, – женщина пошла прочь, даже не дождавшись, пока гость покинет ее территорию.

На цыпочках Женя пересек кабинет, приоткрыл следующую дверь и просунул голову в образовавшуюся щель. Ярким белым пятном бросилась в глаза разобранная постель, над которой, взбивая подушку, склонилась Таня. Она была в одних трусиках, тонкой ленточкой деливших пополам незагорелое тело.

– Тань... – позвал Женя шепотом. Но даже этот звук заставил ее вскрикнуть. Она повернулась так резко, что плюхнулась на постель, прикрывая руками грудь. Однако испуг длился лишь доли секунды.

– Придурок! Алкаш несчастный!.. Мы весь дом обыскали! В каком чулане ты дрыхнул?!..

– Я не дрыхнул – я случайно зашел на ту половину.

– И что там? – на Танином лице проявился интерес – видимо, оправдание было принято.

– Сейчас я не могу сформулировать, но там все безумно необычно! Я пока сам не пойму.

– Ладно, потом расскажешь. Ложись, – Таня юркнула под простыню, – если не хочешь, душ можешь не принимать. Все равно будем спать, а то уже три ночи... Тебя, дурака, проискали!

– Душ я все-таки приму.

– Как хочешь, – Таня повернулась на бок, – полотенце там одно. Я им уже вытиралась, так что оно мокрое – кто не успел, тот опоздал. Спокойной ночи!

Женя подумал, насколько ему безразлично, мокрое ли полотенце, да и вообще все эти эмоции. Даже если б Таня предложила лечь на полу, он бы выполнил это с удовольствием. Какая разница, где спать? Главное, по назначению использовать отведенное для этого время.

Сбросив одежду, Женя втиснулся в крохотный закуток, где рядом с душевой кабинкой с одной стороны висело полотенце, а с другой, притулился унитаз. Прикинул, что если на него сесть, то колени упрутся в дверь. Но опять же, какое это может иметь значение для решения функциональных задач?.. Он влез под теплые струи, блаженно подняв лицо.

Когда плескаться надоело, Женя вышел, завернувшись в сырое полотенце. В комнате было темно, но теперь уж он не ошибется – впереди еле заметно белел прямоугольник постели, и слышалось ровное Танино дыхание. Женя не хотел ее тревожить, но все-таки неловко коснулся теплого плеча. Таня вздохнула и не просыпаясь, закинула на него ногу.

– И что ж ты у меня такой глупый?.. – прошептала она сонно, – заботишься о тебе...

...И что? – подумал Женя, – это такая фигня, в сравнении с тем, куда подталкивает меня полоумная старуха... а если она не такая уж полоумная?.. Если, к примеру, это «рыжая» приняла новый облик – так, для разнообразия...

Женя улегся на спину и уставился в темный потолок. Сон не шел – сумбурные впечатления от странной индейской страны вытеснили даже похмельную усталость, внеурочно запустив механизм воображения. Правда, думал он не о новом романе, а о том, могла ли существовать

у него прошлая жизнь? ...Блин!.. *Это ж ответ на основной вопрос мироздания – вечна ли жизнь?.. И если вечна, то, возможно, протекает она не в заоблачных высях, где душе предстоит переродиться в некую эфемерную субстанцию, а на земле!.. В нас уже заложены впечатления миллионов лет существования, надо лишь суметь расшифровать информацию. Вот они, тысячи романов – правдивых, потому что невыдуманных!.. Как раз таких, как требуют мои издатели! С другой стороны, а если все же она просто сумасшедшая тетка, и ей везде мерещится ее Перу?.. Если это, типа, мания?.. Эх, не понимает она, что, поставив такую задачу и не решив ее, невозможно туго жить дальше!..*

Как-то незаметно в комнате посветлело. Повернув голову, Женя увидел в окне серый холст неба, на котором приближенный к богу художник пробовал свои краски – голубая полоса, рядом бледно-розовая, переходящая в желтоватые разводы; в итоге должна была получиться замечательная, жизнеутверждающая картина летнего утра.

Женя сполз с дивана, сумев при этом не разбудить Таню, оделся и тихонько вышел. Ему хотелось взглянуть на картины при другом освещении, в другом настроении, обладая другим багажом знаний. Да и цель у него была теперь совершенно конкретная – почувствовать себя индейцем... или кем он там был ночью?.. Однако не зря мысли бывают «ночными» и «дневными», потому что картины уже не производили того колдовского впечатления – они не ожидали, оставаясь плоским отображением абсолютно чужой природы, и сколько сознание не запикивало человека в рубашке и джинсах на дикое доисторическое плато, ничего не получалось. Женя был разочарован, но расставаться с иллюзией очень не хотелось.

...Теперь я знаю, чего просить у господина Виталия! – подумал он, – я поеду к ним домой. Сегодня же!.. С утра пораньше, пока он не свалил на работу!.. И Даша мне не нужна – я и упоминать-то о ней не буду! Блин!.. Я могу даже взять его в соавторы – неужто откажется?.. Какая ему разница, Древний Египет или Древнее Перу?.. – Женя посмотрел на часы, – нет, пять утра – слишком рано даже для такого неотложного дела...

Вышел на кухню. На пустом столе стояла вымытая посуда, а от вчерашнего праздника остались лишь две пустые бутылки, предательски притаившиеся в углу. Чайник призывно выглядывал из-за шторы – оставалось только найти кофе, и тут за стеной Женя услышал шаги. Поскольку входная дверь не открывалась, это могла быть, либо Вика, либо Таня.

Женя заглянул в зал, но возле идола стоял мужчина с объемистым мешком. Для вора он вел себя слишком беспечно, и обернулся, лишь когда Женя демонстративно кашлянул – он тоже решил не прятаться, так как пребывал в доме легально.

– А вы, собственно, кто? – удивился мужчина.

– Гость, – Женя улыбнулся, – пока все спят, решил, вот, выпить кофе, но никак не найду.

– Идемте, покажу. Я – Игорь, – мужчина протянул руку.

– То есть, вы, муж Вики? А я – Женя. Моя девушка с Викой подружки еще с университета. Вчера мы Вике компьютер купили, ну и, сами понимаете, засиделись.

– Все нормально, – Игорь махнул рукой, – Вике скучно, когда меня нет. Она уже давно хотела эту игрушку, но я в них слабо разбираюсь, да и некогда мне, – хозяин достал кофе и две чашки, – заварите пока, если не трудно, а я умоюсь с дороги, переоденусь.

Едва в ванной щелкнула задвижка, Женя, подталкиваемый любопытством, прокрался обратно в зал. Его интересовал мешок, потому что, если человек не бомж, то в такой таре может только мусор выносить, и то не всегда, а уж никак не возвращаться из командировки. Присев на корточки, он нащупал под грубой тканью что-то гладкое и твердое. *...Если добавить чуть-чуть фантазии, из всего происходящего в этом доме получится классный роман!.. А если «рыжая» меня бросила, то где еще брать сюжеты?..* Женя перевел взгляд на идола, стоявшего рядом, но это была слишком смелая, даже безумная идея, и наверняка имелась более логичная версия, касавшаяся содержимого мешка. *...Глянуть бы одним глазком!.. Но я ж могу*

не успеть завязать его обратно... Он вернулся на кухню и наполнив чашки, закурил, глядя на желтоватую кофейную пенку.

Игорь появился минут через десять, гладко выбритый, с капельками воды в волосах. На нем была чистая белая футболка, оттенявшая сильные загорелые руки.

– Я готов, – он присел к столу, – а вы, значит, спец по компьютерам?.. Сахар?..

– Нет, спасибо, – Женя придвинул чашку, – спец. А вы чем занимаетесь, если не секрет?

– Всем понемногу. Как говорит один мой приятель – не зорно торговать даже говном, если знаешь, где его дешево взять и кому дорого продать. Логично?

– В принципе... только говно, к сожалению, никто не берет.

– Зависит от качества и опять же от цены, – Игорь засмеялся, а Женя задумался – был ли в этой фразе скрытый смысл? Наверное, получилось это у него слишком наглядно, потому что Игорь заботливо спросил, – что с вами? Размышляете, где взять дешевое говно? Так это просто, но места надо знать.

– Понятно – коммерческие тайны не раскрывают, – Женя посмотрел на часы, – пожалуй, я пойду, а то почти семь – дела.

– А как же ваша подружка?

– Она в отпуске – ей спешить некуда. Тем более, вчера мы сидели часов до трех, так что спать она будет долго – уж поверьте.

– Верю. Значит, и Вика раньше часа не встанет, – в голосе Игоря не чувствовалось недовольства – скорее, даже наоборот.

– Все, – допив кофе, Женя направился к выходу, – Таньке передайте, что я позвоню.

– Обязательно, – хозяин с готовностью распахнул дверь.

Стоя на крыльце, Женя видел, как дверь тут же закрылась и щелкнул замок, разом отгородив его от массы замечательных сюжетов. ...*Ничего, господин Виталий откроет мне другую дверь...* – он радостно направился к остановке.

*

Резкая мелодия, разжала нежные ладони, в которых плавно покачивалось невесомое сознание Виталия. Никакой необходимости просыпаться в такую рань не было, ведь до конца отпуска, совпадающего со студенческими каникулами, оставался еще целый месяц. Виталий повернул голову, не понимая, почему жена не реагирует на призывный сигнал, но увидел лишь неподвижный затылок.

– Даш, – протянув руку, он отключил будильник.

– Да слышу я, – голос ее не выглядел сонным, – я встать не могу. Я не выспалась! Я устала, понимаешь?..

– Понимаю, – Виталий вздохнул. Он, действительно, прекрасно понимал жену, которая не привыкла рано вставать, ходить на работу, потом пребывать там целый день среди неинтересных ей людей – и не только пребывать, а еще выполнять определенные функции, не приносящие ни малейшего удовлетворения. А зарплату за эти мучения платили такую, что в конце месяца она иногда ложилась на диван и тихонько плакала.

– Ничего ты не понимаешь... – Даша села, закрыв лицо.

Теперь Виталий видел еще и ссутулившуюся обнаженную спину. Конечно, ему было жаль жену, но прожить на зарплату преподавателя без ученой степени, никак не получалось.

...*Какая ж я была дура!*.. – в тысячный раз подумала Даша, – *сидела дома, покупала все, что хотела и еще ныла, что скучно!*.. *Не иначе, бог наказал меня – чтоб знала, как можно жить по-другому... этот чертов писатель все поломал своим Египтом!*.. *После него ж Виталий бросил бизнес... Вернуть бы все!*.. Несбыточные мечты, охватывавшие, и прошлую, и настоящую жизнь никогда не успевали оформиться во что-либо конкретное за то короткое время,

пока Даша настраивалась на предстоящий день – они просто проносились в сознании темным облаком, создавая соответствующее гнусное настроение.

Наконец, Даша все-таки встала; будто стесняясь мужа, быстро накинула халатик, а Виталий остался в постели, и это раздражало ее вдвойне. *...Он будет целый день ни фига ни делать, а вечером еще спросит, что у нас на ужин!.. Звезда какая!.. С кухни он, видите ли, не желает связываться принципиально!.. Раньше, я согласна – он приносил деньги, а сейчас... Историю он боится перевернуть!.. Это только мне, дура, можно вешать такую лапшу!..*

Виталий повернулся на бок, молча наблюдая, как Даша, зевнув, исчезла в ванной, и перевел взгляд на окно, где бледно розовые подтеки расплзались по небу, поднимаясь все выше и выше. Он уже усвоил, что утром с женой лучше не общаться – в преддверии трудового дня она могла наговорить чего угодно, а отношения у них и так давно уже были далеки от идиллии.

Прежняя жизнь Виталию тоже нравилась больше, причем, не только в материальном плане (хотя и это немаловажно). Тогда он уважал себя, гордился собой – тогда он был единственным и неповторимым. *...А сейчас, если быть откровенным, я – никто, – тут же возникла мысль о неумолимо приближавшемся первом сентября. Он представил десятки пустых глаз, взиравших из глубины аудитории, в которых читалось отношение этих мальчиков и девочек, и к его предмету, и к нему лично. Воспоминание рождало гремучую смесь из оскорбленного самолюбия и нереализованных возможностей, и она давно б взорвалась, если б не «золотой кокон», построенный по всем магическим правилам и защищавший от негативной энергии.*

– Как мне все надоело! – послышался из кухни раздраженный Дашин голос.

Виталий не знал, к чему конкретно относилась фраза – да, в принципе, и не хотел знать. *...Если она хочет оставаться со мной, то должна принять мои правила, а если нет... то как же тогда, с милым рай и в шалаше?.. Или это относится к начальному периоду отношений, когда сексуальный инстинкт безоговорочно подчиняет себе разум?..*

– Ты ж видел, что кофе закончился! Неужто трудно купить? Я целыми днями на работе!.. – Даша появилась в дверях, держа баночку с кремом (чтоб вставить чуть позже, она научилась все делать одновременно).

– Не трудно, – Виталий оторвался от сцены восшествия солнца на утренний престол, – я не пью кофе, поэтому и не слежу за ним. Выпей чаю.

– Не хочу я чай! – резко повернувшись, Даша вновь скрылась на кухне.

...Все-таки все покупается за деньги... Это деньги меняют людей, а не божьи промыслы, не культура, не любовь, потому что материальное в человеке выше духовного... — Виталий услышал, как Даша всхлипывает.

– Что случилось? – он нехотя вышел на кухню.

– А ты не знаешь?.. Черт!.. – тушь, которую Даша только что нанесла на ресницы, размазалась, – всегда так, когда спешишь!.. – она выбежала в ванную.

...Главная трагедия – потекла тушь, – Виталий усмехнулся, – а то, что мне пришлось убить человека, чтоб цивилизация осталась такой, какая есть – это нормально. Пусть оно случилось три с половиной тысячи лет назад, но я не хочу повторять ничего подобного. А с магией не получается работать иначе – одно непременно цепляется за другое, и по спирали ты обязательно доберешься в точку, за которой чувствуешь себя всесильным... Зато тогда мы жили богато – это главное!.. Она глупая, как все женщины... В конце концов, мы живем не хуже многих – просто она привыкла жить так...

Когда Даша вернулась, слез у нее уже не было, а проходя мимо мужа, она грубо зацепила его, как неодушевленный предмет. Виталий решил, что больше здесь не нужен, и направился на балкон – разбавить свежим воздухом негатив, концентрировавшийся в квартире, но услышал звонок в дверь. В восемь утра люди приходят только по срочным и, как правило, неприятным делам, но интуиция, запрограммированная на опасность, мирно дремала – как сытая собака в своей будке.

Даша оказалась в коридоре раньше, и Виталий слышал, как открылась дверь; слышал мужской голос:

– Даш, доброе утро. А твой муж дома?

«Собака» подняла голову и чутко повела ушами, но пока не учуяла ничего страшного.

Виталий вышел из комнаты и увидел... *как же его зовут?.. Он еще приходил обвинять меня в том, что я бросил Кристину... Не помню... а зачем он здесь?..* «Собака» зарычала, подняв шерсть на загривке, и с лаем бросилась вперед.

– Господин Виталий, – гость улыбнулся, демонстрируя добрые намерения, – если помните, я – Евгений. Можно войти?

Уже забытое обращение подняло в памяти волну приятных ощущений, а гость продолжал, почему-то глядя на Дашу.

– У меня есть к вам интересное предложение.

«Собака» вернулась в будку, волоча за собой тяжелую цепь.

– Проходите, – Виталий решил, что, если предложение интересное, то почему б его не выслушать, – сейчас жена уйдет, и мы все обсудим. Чаю хотите?

– Нет, спасибо, – сбросив туфли, Женя оглядел коридор, который запомнил навсегда – правда, без розового халатика он терял свою привлекательность. *...Эта блузка и юбка непонятной длины... как все близко... неужто она теперь всегда такая?.. А какой она была тогда, у меня!.. Помню, как сейчас, но уже не могу представить, как это происходило...* Наверное, воспоминания отразились на его лице, потому что Даша сказала:

– У меня есть еще минут десять – я тоже хочу послушать.

...Боисься!.. – Женя обрадовался, – *все вы будете на меня работать!..* Вслед за хозяином он прошел на кухню и сел, а Даша устроилась у окна, заканчивая макияж.

– Господин Виталий, – Жене не хватало сигареты, но он решил потерпеть, – хочу рассказать вам кое-что... (Помада замерла в Дашиной руке, а напряженный взгляд вскинулся на Женю) ...я – писатель, – он выложил на стол книгу, за которой успел заехать домой.

– Очень рад, – Виталий равнодушно уставился на обложку.

– Так это вы помогли написать ее!.. – Женя сделал паузу, ожидая реакции, но Виталий внимательно изучал девушку, тянущуюся к раздвоившимся лунам, – я знаю, что вы нашли способ, перемещаться во времени, и без ваших заметок я б никогда не проникся атмосферой Древнего Египта. Понимаете, впечатления очевидца – это совсем не то, что труды учёных, вы меня понимаете?

– Допустим, понимаю, и что? – Виталий пожал плечами, – Кстати, а, как к вам попали мои заметки?

– Мне передала их ваша жена.

– Да?.. – Виталий повернулся к Даше, – а ты говорила, что не знаешь этого человека.

– Послушайте, – Женя видел, как Даша прикусила губу, – семейные отношения – это без меня. Давайте вернемся к делу. Курить у вас можно? – он все-таки достал сигарету.

– Даш, открой окно, – за неимением пепельницы, Виталий придвинул блюдо.

– Спасибо, – Женя с удовольствием затянулся, – так вот, вчера я познакомился с одной удивительной женщиной, которая долго жила в Перу. Она рисует потрясающие картины. На них смотришь, как в окно – я голову наклоняю и вижу, что происходит за краем плотна...

– А от меня вы чего хотите? – перебил Виталий.

– Эти перуанские пейзажи мне почему-то не кажутся чужими, – Женя придвинулся ближе, – я не верю в прошлые жизни, но нас что-то связывает. А мне срочно нужен новый роман. Вот я и подумал – если с вашей помощью я сумел написать стоящую вещь о Египте, который мне, мягко говоря, до двери, то уж здесь-то, где я чувствую связь!.. Короче, я хочу, чтоб вы, либо отправили меня к древним инкам, либо слетали сами и, как прошлый раз, сделали заметки...

– Зачем все так усложнять? Почитайте про этих инков – если что-то вас связывает, подсознание само дорисует картинку.

– Я пробовал работать с книгами, но, наверное, там пишут неправду – вернее, в каждой книге своя правда, и картинка не лепится. Мне нужно впечатление очевидца, типа, как с Египтом.

Виталий задумался. Даша, собрав косметику, взглянула на часы и обнаружила, что ей уже давно полагалось ехать в маршрутке. Теперь ее непременно оштрафуют за опоздание, но она чувствовала, что здесь решается более важный вопрос, нежели сто рублей штрафа. Женя тоже ждал, подперев рукой подбородок и не обращая внимания на догоравшую сигарету.

– Что вы оба так смотрите? – Виталий вскинул голову, – люди неделями решают, какие туфли купить, а вы хотите... а, вообще-то, я говорю – нет!

– Вы все-таки подумайте, – Женя поднялся, понимая, что в данный момент давить на мага бесполезно, – давайте созвонимся через пару дней.

Ушел он быстро и сам, не дожидаясь провожатого. Едва дверь закрылась, Даша торопливо подхватила сумочку и тоже выскочила в коридор. В принципе, ей было все равно, на сколько опаздывать, так как штраф от этого не менялся, но наедине с мужем она чувствовала себя не уютно – он ведь наверняка вернется к переданным заметкам... Но Виталий поставил вопрос по-другому.

– Ты спишь с ним? – он вышел вслед за женой.

– С чего ты взял? – Даша уже открыла входную дверь.

– С того, что это единственная причина, скрывать ваши отношения. Если б у вас ничего не было, ты б сказала, типа, я познакомилась с интересным человеком и отдала ему записи; на их основе он будет писать книгу. Разве нет?

– Виталь, – Даша на секунду отпустила дверную ручку, – да, мы знакомы. Но я даже не знала, что у него книга вышла! Вот как мы знакомы!.. И не забивай себе голову ерундой! – она почувствовала, что не готова складно врать, – ладно, вечером поговорим, а то мне и так влетит, – она выскочила на лестницу, стараясь не думать о предстоящем вечере.

...Значит, спит, – вернувшись на кухню, Виталий выбросил Женин окурочок и помыл блюдо, – а почему бы и нет? Моя звезда, можно сказать, закатилась, а его только восходит. Женщины всегда идут за звездой. Они ценят себя слишком высоко, чтоб раздаривать бесплатно, а расплачиваться с ними надо, либо сытым настоящим, либо сияющим будущим, но никак не легендарным прошлым, которое невозможно вернуть... Короче, с Дашкой все понятно – она, похоже, сделала выбор, а я?.. Меня уже бросает женщина, с которой мы прожили столько лет!.. Это ж последняя капля!.. А я что, так и буду читать лекции всяким дебилам? Ведь в этом вся проблема! И я сам ее создал, наслушавшись какую-то идиотку, возникшую неизвестно откуда и исчезнувшую неизвестно куда... главное, исчезнувшую!..

Несвойственная Виталию злость на самого себя наполняла «золотой кокон» изнутри, и как с этим бороться не указывалось ни в одном магическом трактате – наверное, изначально подразумевается, что человек наделенный даром не копается в себе, а лишь исполняет предназначение.

...Существуют люди, созданные по типу муравьев-работников, но у меня-то другие возможности и я знаю об этом!.. От знаний нельзя избавиться, как ни старайся прикидываться глупым... и еще нельзя оглядываться назад, какие бы кошмары ни пугали тебя из прошлого!.. – Виталий вышел на балкон, свесил голову, разглядывая копошившихся внизу людишек, и сначала увидел писателя, не спеша пересекавшего двор, а потом свою жену, устремившуюся в том же направлении. Вздыхнув, Виталий вернулся в комнату, – зачем считать меня таким идиотом?.. Я ж могу вернуть все в две секунды! И тогда посмотрим, чья возьмет – только стоит ли биться за Дашку или пусть убирается, если она такая?..

Даша догнала Женю у пешеходного перехода. Она не знала, что собирается сказать или сделать, но в сложившейся ситуации ей требовалась поддержка, хотя бы формальная – это был своеобразный жест отчаяния.

– Ты спешишь? – она остановилась рядом.

– Нет, вроде, – Женя повернул голову.

– А я спешу. Проводи меня – по дороге, поговорим.

– Провожу, – полгода назад Женя был бы счастлив от такого предложения, но тогда можно было заниматься собственными переживаниями, потому что творческие задачи решала «рыжая». ...*Где, вот, эта падла?..* – вспомнил он свою благодетельницу, – *и маг практически отказался помогать...*

Наплыв народа, спешащего на работу, спал, и в маршрутке им даже удалось сесть вместе. Даша знала, что ехать до центра минут двадцать, и время уже пошло.

– Жень, – от нехватки слов она взяла его руку, – за полгода многое изменилось, да? (... *Господи, что я несу?!.. Я ж имею в виду не наши отношения!..*) – подняла лицо и наткнулась на удивленный взгляд. Надо было срочно исправлять ситуацию, и она выдавила улыбку, – ты о чем сейчас подумал?

– Я подумал, что за полгода многое изменилось, а ты о чем?

Женя заинтересовался, а большего Даше и не требовалось.

– Понимаешь, после Египта Виталий стал совсем другим, – принялась она изливать душу, – салон закрыл; живем теперь почти, как нищие...

– Постой, но он же где-то преподает...

– Что он там преподает? – Даша махнула рукой, – три лекции в неделю? Думаешь, на эти деньги можно прожить? А ему, блин, все стало по фигу! Он какой-то отмороженный... Жень, хоть ты растормоши его, пожалуйста!

– Честно говоря, я надеялся, что ты мне pomoжешь договориться с ним...

– Я?.. – Дашины брови смешно вскинулись вверх, – я для него теперь пустое место! Я что-то говорю, а он уходит в другую комнату. Я устала от всего этого, понимаешь?.. – она прикусила свой болтливый язык, потому что у мужчин мысли движутся лишь в одном направлении, которое в данный момент ее совершенно не интересовало, – а у тебя как дела? – Даша резко сменила тему, отходя от края пропасти.

– По-разному, – Женя пожал плечами, – египетская вещь, благодаря тебе, получилась классной, а следующую издатели зарубили. Фигня какая-то... типа, я написал не то, что было на самом деле – а кто знает, как оно было на самом деле четыреста лет назад?

– Виталий-то знал...

– Вот и они, вроде, знают... блин!.. – Женя стукнул себя по лбу, – слушай, а, может, у них тоже есть какая-нибудь хреновина, типа, машины времени?.. Если она есть у твоего мужа, то почему ее нет больше ни у кого, а?.. – фантазия его устремилась дальше, – издательство, знаешь, как называется? «Век истории»!.. Вдруг это неспроста? А наткнулся я на них, знаешь, как?.. О, это отдельная история!..

– Жень, мне сейчас выходить, – Даша взглянула на часы, – итак на сорок минут опоздала.

– Слушай, ну ее, эту работу, а? – свежая мысль рождала свежие эмоции, – поедем ко мне?

– С ума сошел? – Даша засмеялась, – меня тогда уволят, и кто будет меня кормить?

Еще пару дней назад Женя мог бы бодро воскликнуть – Я! Но после разговора с Настей, даже не знал, кто будет кормить его самого в ближайшее время.

– То-то, – Даша вздохнула, не дождавсь ответа.

– Подожди, – Женя удержал ее руку, – давай встретимся после работы. Ты когда заканчиваешь?

– В семь. Только стоит ли?.. – высвободив руку, Даша двинулась к выходу, чтоб не слышать ответа, так как не знала, какой вариант устроил бы ее больше.

Перебежав улицу, и даже не оглянувшись на возмущенный сигнал законопослушных «Жигулей», она взлетела на второй этаж; на минуту замерла, судорожно придумывая себе оправдание, но ничего более оригинального, чем прорвавшаяся труба и затопленные соседи, в голову не приходило. ...*А пусть так и будет!*.. – она осторожно вошла в пустой (как всегда по утрам) магазин, и увидела напарницу, нагло разгадывавшую кроссворд, что уже было удивительно, ведь за это Людмила Андреевна тоже штрафовала сотрудников.

– Ну, ты даешь, – Лена отложила газету, – ты хоть меня предупреждай, а то я, как дура...

– А Людмила где?

Лена выдержала паузу, играя на Дашиных нервах, но потом засмеялась.

– Заболела. Позвонила, чтоб мы сами, и открывали, и закрывали, так что тебе повезло.

– Уф!.. – облегченно вздохнув, Даша опустилась на стул.

– Чего у тебя стряслось-то? – Лене, видимо, надоели кроссворды. Она устала на Дашу, ожидая историю, которую можно будет обсасывать до конца рабочего дня, но Даша решила, что, ни путешествия во времени, ни ее несостоявшийся «любовный треугольник», не являются темами для обсуждения.

– Проспала, – сказала она, – будильник включить забыла.

– Фи, – Лена скривила губы, – так не интересно. Я думала, тебя похитили или ты с мужиком закувыркалась, – она вздохнула, нехотя возвращаясь к еще не заполненным клеточкам, а Даша взялась заваривать кофе, который не удалось выпить дома.

...*Хоть в чем-то повезло!*.. – она замерла, разглядывая в ложечке коричневые гранулы, – *может, у меня закончилась «черная полоса»?.. Женя, вот, объявился...* — мысли раскрасились яркими цветами прошлого, которое было гораздо лучше настоящего, – *если он придет вечером, я, точно, поеду к нему! Виталик считает, что я с ним сплю? Вот и отлично – он же всегда прав!.. А дальше, будь, что будет...*

Женя в это время думал о том же, только в другом ключе.

...*Интересный расклад получается, – он мысленно усмехнулся, – и никаких свечей не нужно, никакого колдовства – только зачем она мне теперь? Героини нового романа из нее не получится – я чувствую... если сочинить какую-нибудь слезливую мелодраму?.. Но я такой фигней не страдаю – ну, не получится у меня!..* Сознание принялось вытягивать из памяти фрагменты, давно канувшие в Лету, но воспоминания внезапно оборвались, когда Женя посмотрел в окно. ...*А куда я еду?* – он увидел супермаркет, находившийся на краю города – возле него и была конечная остановка маршрутки, – *раньше, когда меня вела «рыжая», я б на сто процентов знал, что где-то здесь бродит мой сюжет, но «рыжая» -то, похоже, кинула меня... Блин, как без нее сложно!.. Вот, куда б она могла меня направить – не в супермаркет же?..* Поскольку проникнуть в хитросплетения мистических связей Женя не мог, вариант возник самый простой и самый логичный: ...*А съезжу-ка я к «перуанке»! Вдруг картины все же что-то навеют или она сама расскажет подходящую историю. До семи все равно делать нечего; в семь встречу Дашку... а дальше, посмотрим...*

Он перешел на другую остановку и занял место в очереди.

*

Виталий уже полчаса сидел на кухне, без всякого смысла разглядывая обложку книги, так неожиданно появившейся в его доме. Читать он не собирался – его не интересовало, каким образом «писатель» интерпретировал хорошо известные ему события, но картинка будоражила воспоминания. Под пристальным взглядом, луны стали качаться, совсем как тогда, когда ими являлись они с Кристиной. Нет, Виталий не жалел, ни об их слиянии, ни о несчастной Анхесенамон – жаль было чуда, которое он мог тогда сотворить.

...*Я и сейчас все могу!*.. – мысль, которую он успешно гнал последние полгода, упав в благодатную почву принесенную «писателем», не просто дала побег, а быстро выросла и окрепла, – как говорила та рыжая сволочь?.. *Нарушить естественный ход событий?.. А в чем он заключается? В том, что у меня хреновая работа, что я похоронил свои возможности, и в довершение ко всему, оказывается, моя жена спит с другим?.. Так, может, стоит изменить такой «ход событий»?.. Кто решил, что он «естественный»?..* – Виталий повернулся к солнцу, властвовавшим за окном, – *оно-то не изменится, а остальное... а почему остальное должно обязательно стать хуже? Везде ж пишут, что общество деградирует; люди, уничтожая природу, убивают и самих себя; что грядет духовный и техногенный апокалипсис... так, может, пока он не грянул, поменять все к чертовой матери? Вдруг у меня получится лучше, чем у Бога?.. Нет, это я, конечно, круто маханул – то, что создал Бог, не нужно менять, а, вот, то, что люди натворили потом...*

То ли после встречи с «рыжей» прошло уже слишком много времени, то ли новость, связанная с Дашей, превысила, наконец, общую критическую массу, но мысли потекли плавно, без эмоциональных взлетов и падений, как бывает, когда решение уже принято и прорабатываются тактические нюансы. ...*Это ж «рыжая» сказала, что все в нашем мире есть так, как и должно быть, а я, дурак, поверил. Вдруг, если б развалился Египет, потом всем стало б гораздо лучше? Подумаешь, не построили б пирамид!.. И что?.. Кто б о них жалел, если их просто никогда не существовало? Да мало ли, что могло быть на земле, о чём мы и не догадываемся!.. Те, кому сейчас хорошо, они и считают, что все сделано правильно. А те, кому плохо?.. Они мне спасибо скажут!.. Возможно, и самому Богу не нравится, что получилось в итоге, и он послал меня, чтоб все исправить!.. А я тут дурака валяю!..*

Виталий легко встал и подойдя к шкафу, вытащил том энциклопедии. ...*Значит, говоришь, инки?.. Нет, для писателя я ничего не буду делать – пусть Дашка ему делает!.. Но инки... как вариант... мне-то все равно, по большому счёту. А еще лучше — я ж когда-то думал об этом...* – Виталий захлопнул книгу, не дойдя до нужного раздела, – *еще лучше не висеть там очередным светильником, а научиться материализоваться, как «рыжая»! Только возможно ли проделать такое на колесе Фортуны?.. Кстати, хорошо, что я не выбросил его в свое время. Ведь как знал!* – положив книгу, он вышел на балкон, являвшийся еще и складом ненужных вещей. Столешницу он видел каждый день – она торчала из-за коробок, а, вот, стойку еще требовалось поискать.

*

Знакомой дорогой Женя вышел к «замку» и незаметно прокравшись под окнами «пристройки», оказался у двери, сильно отличавшейся от той, что вела к Вике с Игорем. Поскольку от звонка здесь остался лишь корпус, болтавшийся на куске провода, Женя постучал. Для себя он решил – если хозяйка не захочет с ним общаться, он просто попросит обещанную картину; потом вернется домой и будет смотреть на нее, пока не снесет башню – другого выхода он не видел. ...*Часов до шести посижу, а потом поеду к Дашке. Главное, чтоб Татьяна не заявилась...* Мысль потерялась, потому что щелкнул замок и на пороге появилась «перуанка». Ее взгляд не выражал никаких эмоций, поэтому создавалось впечатление, что она вышла не на стук, а, например, подышать воздухом. Но вдруг ее губы шевельнулись.

– Я знала, что ты вернешься...

В это время за спиной, весело сигналивая на разные голоса, пронесся свадебный кортеж, какая-то беспокойная мамаша звала какую-то Катю, и Женя почувствовал, насколько эти два мира не стыкуются между собой – только, вот, являлось ли это началом нового романа?..

– Я пришел... – он замолчал, ожидая, что «перуанка» сама поможет ему, но та стояла, как изваяние, и под ее взглядом Женя растерялся, – конечно, это бредовая мысль... я понимаю,

но ваши картины... они такие... я, вот, подумал... (*...Господи, и кто ж из нас псих-то?!..*) хорошо б хоть на минутку оказаться там, чтоб...

– Чтоб все вспомнить, да? – закончила «перуанка», и Женя кивнул, хотя в голове у него были совершенно другие цели и желания. А еще он подумал: *...Как же примитивна наша наука со всякими Нобелевскими премиями, если есть эта старуха и господин Виталий (пусть он не хочет мне помогать, но ведь может!), для которых не существует пределов пространства и времени? Почему никто не считает их достижения открытиями?.. Или это другой мир с другими ценностями и другим подходом к реальности?..*

– Могу предложить сделку, – «перуанка» отступила, пропуская гостя в дом.

...Если она попросит жизнь, не отдам. Душу?.. Но она ж не дьявол... А остальное, ничего не стоит!.. – оказавшись в знакомой комнате, Женя опустился на знакомый диван, но картины уже не занимали воображение – он ждал оглашения условий сделки.

– Ход истории... – «перуанка» смотрела на голую равнину, украшавшую стену. Казалось, само слово «ход» чуждо этому пространству, вечному в своем постоянстве, – ход истории нельзя изменить, потому что он всегда избирает оптимальный вариант развития мира. Как река, пробивающая русло в самом удобном месте. Даже если потом на ней возникают пороги и водопады, она не будет течь по-другому. В Перу я нашла свое прошлое, и очень бы хотела, чтоб мои родственники, дожив свою жизнь в счастье, умерли так, как умирали их предки; и чтоб похоронены они были по обычаям предков, а не брошены в смрадные ямы...

Женя чувствовал, что его сознание, даже настроившись на восприятие мистики, не может уловить смысл, но, на всякий случай, кивнул.

– ...Жить им не долго – год или два, а потом они непременно погибнут в долгих битвах между Уаскаром и Атауальпой. Тогда пусть история берет свое, потому что она всегда права. Максимум два года!.. Это примерно столько, сколько потребуется испанцам, чтоб собрать новую экспедицию. Так вот, мое условие таково, – «перуанка» повернулась к Жене, – ты пойдешь туда, если постараться остановить Писарро и его оголтелых братьев. Не знаю как, но ты должен дать слово, что сделаешь это. Потом испанцы вернутся снова и обязательно покорят инков, но это произойдет, когда все мои родственники уже будут похоронены с почестями, а их души обратятся в быстрых уаманов. Для истории, что такое несколько лет в сравнении с тысячелетиями? Их никто и не заметит, зато мой айлью не познает позора рабского унижения.

Женя не знал, что такое уаман¹ и айлью², но решил, что это уже не важно; важно, что Вика права – старуха, действительно, сумасшедшая! И весь тот круг, в который он рвется, тоже состоит из сумасшедших, чудом оказавшихся на свободе. *...И я сойду с ума, если немедленно не свалю отсюда!.. Она же гипнотизирует меня!..* Женя уже хотел встать, но хозяйка неожиданно вышла, и атмосфера безумия, вроде, сразу рассеялась. *...Стоп!* – вспомнил Женя, – *а картина?.. Все-таки надо ее забрать – сяду и буду моделировать ту жизнь. Ведь возникли ж у меня какие-то ощущения – их надо развить, и все получится без всякого Виталия!.. А за то, что он меня подвел, ох, с каким удовольствием я буду трахать сегодня Дашку!..*

Хозяйка вернулась очень быстро, держа в руке вышитый мешочек, похожий на кисет.

– Я предлагала эту сделку Игорю, но он – другой человек. Он не сможет ничего сделать, а ты сможешь, я знаю. Подставь ладонь, – она развязала мешочек, и Женя решил довести игру до конца (конечно, в книге он использует этот момент, придав ему реальную магическую силу), – положи в рот и долго жуй, пока он не растворится, – на Женину ладонь тонкой струйкой потек серый порошок, скорее всего, растительного происхождения, – и ты обретешь другую жизнь.

– Это наркотик? – догадался Женя, – я читал, что все индейцы жуют коку...

– Кока – великий дар богов, – «перуанка» улыбнулась, – это земное воплощение небесной женщины, приносящее счастье вечно работающему, уставшему и измотанному мужчине;

но она не дает другой жизни – как любая женщина, она забирает уже имеющуюся. А это другое... это секрет женщин нашего айлью.

– Женщин вашего чего?..

– Ты сам все вспомнишь... да, если увидишь у кого-нибудь гуарки³ с изображением уамана, знай, это кто-то из моего рода.

– Ладно, передам привет, – усмехнувшись, Женя высыпал порошок на язык и интенсивно задвигал челюстями. Порошок не имел, ни вкуса, ни запаха. Размазывая его по нёбу, Женя думал, стоит ли ругаться с «перуанкой», когда тот растворится, но ничего не произойдет, или сохранить отношения, в надежде на какие-нибудь фантастические рассказы – ведь откуда-то же она взяла все эти нереальные пейзажи!..

Но что-то все-таки происходило – Женя почувствовал головокружение; потом у него потемнело в глазах. *...Только б не отравила, старая ведьма!.. Как я не подумал об этом?.. Художница, блин!..*

*

Нежданно-негаданно Виталий сделал открытие. Вернее, специалисты, изучавшие цивилизацию инков, были прекрасно осведомлены об этом факте, но он-то не являлся специалистом, и теперь предстояло решить, как обойти непредвиденное препятствие. Проще всего, конечно, не обходить его вовсе, а если уж он твердо решил вернуться к старому ремеслу, для начала отправиться в более доступную и понятную эпоху, но, именно, инки вдруг стали для него делом принципа – так сказать, проверкой магической квалификации. Или, возможно, он хотел сделать это назло «писателю».

Виталий собрал колесо Фортуны, тщательно отскоблил сохранившиеся с прошлой «экспедиции» египетские иероглифы, освободив место для новых символов, которых-то у него и не было. В этом заключалось его открытие, сразу ставшее проблемой – все имевшиеся источники безоговорочно заявляли, что у инков не существовало письменности, а ведь только с ее помощью можно было использовать колесо Фортуны. Не зря ж перед Египтом пришлось тщательно изучать переводы папирусов, пока не удалось хоть как-то вразумительно сформулировать свое желание. (С кем велась эта «переписка», Виталий не знал, ведь не он изобрел сие чудо, то ли техники, то ли магии – он лишь построил его по старинным описаниям, которые все считали глупой легендой).

Теперь он смотрел на пустые сектора магического круга и безуспешно пытался сообразить, чем их можно заполнить, если «умные» книжки гласили, что общались инки на каком-то языке кечуа, а создать для него письменное отображение так и не удосужились. У них, якобы, имелись специальные люди, называвшиеся «пакарискап вилья», которые выучивали необходимую информацию наизусть и передавали ее своим детям; те, соответственно, своим, и так должно было продолжаться вечно.

...Но это же абсурд!.. – Виталий обхватил голову руками, словно спрессовывая бессистемные мысли. В тишине монотонно тикали часы, каждым прыжком секундной стрелки все дальше отодвигая от него глупых безграмотных индейцев, – *а если эпидемия или война? Все эти «вилья» умрут, и что? Неужели они не думали об этом? А ведь в остальном, были весьма развитой цивилизацией. У них существовал календарь; они вели учет государственных запасов, от продовольствия и одежды до военных трофеев (пусть это жутко громоздкая система, где узелки показывают числа и разряды чисел, но она была!..); имелась почти социалистическая система распределения... а, вот, на письменность ума не хватило! Полный бред!..*

Виталий откинулся в кресле, как всегда делал перед началом рабочего дня, и тут же испытал давно забытые ощущения, когда неведомая энергия перетекает в твое тело, наполняя его силой и могуществом. Состояние было совершенно потрясающим. *...Какой же я глупец,*

что послушал «рыжую»!.. Нет, я не глупец – она просто запугала меня. Но страх ведь всегда проходит... со временем все проходит – даже само время, и остается только истина... а истина в том, что, если мне это дано, значит, я должен это делать!.. Перед ним стали снова появляться и исчезать незнакомые лица, только теперь они, скорее, напоминали живописные маски в обрамлении уборов из ярких перьев; правда, среди них попадались и другие – в блестящих железных шлемах... Виталий открыл глаза.

...А откуда все черпали информацию об инках? От испанцев! А испанцы могли ж и наврать!.. Везде ведь пишут, что Писсаро и его команда тоже были неграмотными, а писали историю конкисты с их слов монахи, спустя годы. Тогда, во-первых, Писсаро мог просто не понять, что перед ним библиотека, и уничтожил ее за ненужностью; а, во-вторых, знаем мы, как монахи пишут историю – зачем им сохранять культуру и религию иноков? Историю той же России сотни всяких летописцев столько раз переделывали, что и концов-то уже никто найти не может, а там горстка бродяг! Да они такого наплетут!..

Чертовы испанцы... Стоп! А если попытаться проникнуть туда через них?.. Тем более, испанский я помню с университета довольно неплохо... Конечно, за века язык изменился, но, если не в книгах, то в Интернете можно найти все, что существует в принципе!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.